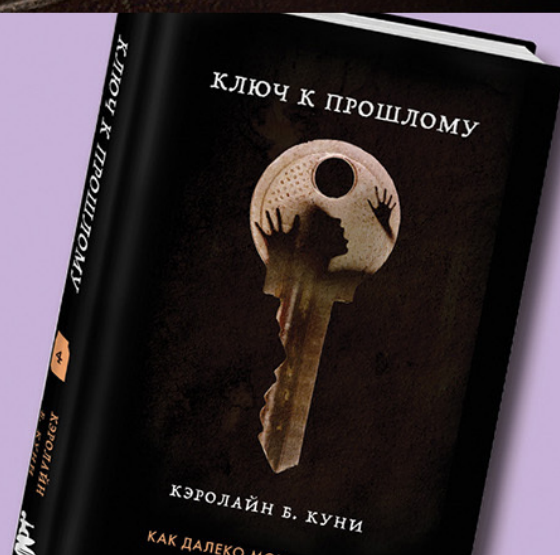

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

КТО-ТО СНОВА ХОЧЕТ РАЗРУШИТЬ ТВОЮ ЖИЗНЬ

ДОЛГОЖДАННЫЙ
ФИНАЛ КУЛЬТОВОЙ СЕРИИ

МОЛОКО. Кто-то разыскивает тебя
по всей стране. Культовая история

Кэролайн Кун

Лицом к лицу

«ЭКСМО»

2013

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Куни К. Б.

Лицом к лицу / К. Б. Куни — «Эксмо», 2013 — (МОЛОКО. Кто-то разыскивает тебя по всей стране. Культовая история)

ISBN 978-5-04-165038-4

«Лицом к лицу» – пятая, и заключительная часть сенсационной серии МОЛОКО, проданной тиражом 15 000 000 экземпляров. Жизнь Дженни навсегда изменилась в день, когда она увидела свою детскую фотографию на пакете молока. С тех пор ее жизнь была под пристальным вниманием журналистов и полицейских. Все, чего хочет девушка, – чтобы ее оставили в покое. В попытке убежать от прошлого, она переезжает в город, где ее никто не знает. Поначалу все идет хорошо, но очень скоро Дженни понимает, что та, кто много лет назад разрушила ее жизнь, намерена сделать это снова. Только теперь Ханна угрожает не только ей, но и всем, кто дорог Дженни.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-165038-4

© Куни К. Б., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Первый элемент пазла похитительницы	6
I	9
Второй элемент пазла похитительницы	16
II	19
Третий элемент пазла похитительницы	26
III	28
Четвертый элемент пазла похитительницы	38
IV	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Кэролайн Б. Куни

Лицом к лицу

JANIE FACE TO FACE

by Caroline B. Cooney

Copyright © Caroline B. Cooney, 2013 This edition published by arrangement with Curtis Brown Ltd. and Synopsis Literary Agency

© Андреев А.В., перевод на русский язык, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Кэролайн Б. Куни – популярная американская писательница и обладательница множества премий. Серия из пяти книг про Дженни Джонсон была продана тиражом 15 000 000 экземпляров и включена в школьную программу в США.

«Удивительный факт истории Дженни, оправдавший все возложенные на него ожидания! Опасное прошлое и надежда на светлое будущее столкнутся в последней битве за девушку с фотографии на пакете молока. Захватывающая книга, заставляющая жить здесь и сейчас».

Ольга Новак @ollys_books, блогер

Моим внучкам и внукам

Элизабет, Маргарет, Максимуму, Саймону

Первый элемент пазла похитительницы

Женщина, которая раньше была Ханной, практически не помнила тот день в Нью-Джерси.

Это произошло много лет назад и было совершенной случайностью.

Она угнала машину и хотела побыстрее выбраться из того района, поэтому на автобане съехала на первом попавшемся съезде.

Никогда прежде ей не приходилось угонять автомобиль. Ощущение от совершенного преступления было приятным и будоражающим, как наркотики. Ханна находилась в таком сильном воодушевлении, что долго ехала без еды и сна.

Все остальные участники дорожного движения явно имели опыт вождения и знали, куда едут. Однако женщина, которую раньше звали Ханной и которой было уже тридцать, обладала минимальными навыками управления машиной.

В подростковом возрасте, когда все сверстники учились водить, ее подлые родители отказались покупать ей личный автомобиль. Они почти не разрешали дочери водить даже ту машину, что у них была. Аргументируя тем, что Ханна еще незрелая и недостаточно внимательная. В секте, в которую она попала потом, автомобили вообще были только у руководителей.

Эту секту девушка нашла во время учебы на первом курсе колледжа. Ханна ненавидела свое учебное заведение. Ей не нравилось жить не дома, но при этом была жгучая ненависть к родителям за то, что ее заставили пойти учиться в этот колледж. Однако больше всего Ханна ненавидела себя за то, что она ничего не добилась и не видела никаких перспектив.

Члены секты приняли девушку, как свою. У них не существовало никакого давления на людей в том смысле, что никого не заставляли чего-то добиваться и не осуждали за отсутствие результата. Не надо было принимать решения и волноваться, не надо было выбирать профессию и «строить карьеру» – что особенно ее пугало. Ее родители постоянно напрягали ее вопросами по поводу будущего и требовали, чтобы она взялась за ум и начала думать об учебе и собственных способностях.

Ханна вообще ни о чем не хотела думать.

Она хотела, чтобы это делали другие.

Пока девушка была полезна секте: зарабатывала деньги и вербовала потенциальных адептов, ее обеспечивали едой и крышей над головой. Но через некоторое время секта распалась – бывшие члены оказались на улице. Она осталась без дома и без денег. Кроме всего прочего ей было нужно новое имя. Некоторое время она звала себя Тиффани. Потом Трикси.

В последующие годы женщина промышляла воровством. Особенно ловко ей удавалось умыкнуть кошельки у беспечных студентов в кофейнях. Ханна считала, что у них и так всего много, поэтому ничего страшного, если они поделятся немного с ней.

После многих часов езды в угнанной машине она неожиданно увидела надпись: «Добро пожаловать в Нью-Джерси»... Получается, позади почти вся страна. Если так будет продолжаться, автомобиль свалится в Атлантический океан. Женщина остановилась заправиться. Указатели были направлены на побережье Атлантики в Нью-Джерси.

Она вспомнила, что в детстве в Коннектикуте родители часто ездили с ней на пляж. Неприятным было то, что ее заставляли учиться плавать. Она боялась глубины и наотрез отказывалась, но родители были из тех людей, которые заставляют делать пугающие вещи. Ханна и по сей день их за это ненавидела. Хотя в секте говорили, что можно больше не волноваться по поводу мамы и папы. Родители – это никто. Теперь секта – ее семья.

Нет, сегодня она на пляж не поедет. Это лишь напомнит о том, что она так сильно хочет забыть.

Женщина вернулась на автобан и долго стояла в ожидании момента, когда можно будет спокойно съехать на трассу и воткнуться в плотно движущийся поток. Ей казалось, что все движется слишком быстро. На самом же деле она ехала слишком медленно, тормозила движение, и недовольные водители постоянно сигналили.

В какой-то момент Ханна поняла, что уже давно ничего не ела. Ближайший указатель съезда показывал на торговый центр. Она знала, что там будет бесконечно много всего: слишком много магазинов, слишком много покупателей, слишком много шума.

Именно такими были ее родители. Они любили вещи, покупали все, что она хотела, и безнадежно избаловали ее. Именно поэтому Ханне было так тяжело. Это они во всем виноваты!

Она решила, что хочет мороженого. Но когда Ханна увидела цену на вывеске в кафе, все внутри у нее закипело от возмущения. Ей даже пришлось немного пройти, чтобы успокоиться и перестать злиться. Да как они смеют?! Американское общество такое жадное!

Ханна поднялась на эскалаторе на второй этаж. Она умела воровать в магазинах, но украсть мороженое, порцию которого раскладывали индивидуально, было невозможно. Придется заплатить. Как и за бензин!

У входа в обувной стояла милейшая девочка, на вид ей было около трех лет.

Вообще-то Ханна без энтузиазма реагировала на детей, ей не нравились их липкие ладошки и громкое хныканье. Но эта малышка оказалась настолько милой, с рыжими, почти красными, кудрявыми волосами. Ханна наклонилась и взяла девочку за теплые пальчики. Та лучезарно улыбнулась.

Родители девочки явно были где-то неподалеку. Но, видимо, в ту минуту они не следили за дочерью, иначе бы возмутились, что незнакомка трогает их ребенка. У Ханны в руках оказалась добыча. Ее вдруг охватило такое острое, напряженное чувство, которое обычно возникает, когда дразнишься чем-то на детской площадке.

«У меня есть то, чего нет у вас», – пело ее сердце.

Вместе с девочкой они дошли до эскалатора. Никто из посетителей не обратил на них внимания. Сердце Ханны забилося учащенно, пульс бешено колотил в висках. Если бы у нее были крылья, она бы воспарила до потолка. Угнать машину по ощущениям было гораздо приятней, чем кредитную карту. Но похитить малыша... Еще никогда в жизни она не испытывала такого возбуждения.

– А где мама? – спросила девочка.

– Через минутку подойдет, – ответила Ханна. А даже если и подойдет, она скажет, что нашла потерявшегося ребенка.

«Я – спасительница».

Ханна мысленно рассмеялась, чувствуя себя человеком, диаметрально противоположным спасительнице.

В кафе-мороженом она посадила малышку на высокий стул.

– Какая милая! – воскликнула официантка. – Чудесные рыжие волосы. Видимо, вся в папу.

Девочка заулыбалась.

Недовольная Ханна плотно сжала губы.

Как типично для американского общества. Даже глупой официантке в кафе-мороженом больше дела до красивых волос девочки, чем до душевных страданий взрослой женщины в тяжелый период. Официантка повернулась к коллеге, молодому худощавому человеку, работавшему за прилавком. На нем был фартук, заляпанный шоколадным и клубничным мороженым. Эти двое помогали друг другу в работе, и со стороны казалось, что они счастливы.

Раньше у Ханны тоже была жизнь среди людей, которые помогали друг другу и были абсолютно счастливыми. Но руководителя общины арестовали, группа распалась. Женщине

пришлось ездить по стране от одного бывшего члена секты к другому в надежде, что кто-нибудь предложит ей жить у него или у нее.

Но никто этого не делал.

«Займись собственной жизнью, – советовали ей. – Начни вести себя как взрослая».

А во всем были виноваты родители. Она поняла это, будучи подростком, знала это, когда было за двадцать. Сейчас стукнуло тридцать, и чего Ханна добилась в этой жизни?

Ничего!

Глупая официантка жила более интересной и насыщенной жизнью.

Она ненавидела официантку всеми фибрами души.

– А где мама? – снова спросила девочка. Она выглядела совершенно спокойной, нисколько не волновалась.

Похитительница уже ненавидела эту очаровательную малышку, одетую в красивую одежду, в милом берете на кудрявой рыжей голове. Она завидовала, как та спокойно сидела среди незнакомых людей, выглядела довольной и уверенной, что каждый из незнакомцев – ее друг и жизнь прекрасна.

«Ты сильно ошибаешься, – подумала женщина, которую раньше звали Ханной. – Здесь ни у кого нет друзей, а жизнь – очень плохая штука. И я тебе это докажу».

I

Дженни Джонсон готовила документы для колледжа.

Сочинение: «О себе»

«Напишите сочинение объемом не менее 750 слов, в котором вам нужно будет продемонстрировать ваши творческие способности и способность аргументированно высказывать свою точку зрения. Темы на выбор: ваш герой для подражания; событие, изменившие вашу жизнь; глобальные проблемы современности и пути их решения. Лист с сочинением приложите в конце анкеты».

«Мое официальное имя при рождении – Дженн Спринг, однако я подаю документы в вуз под именем Дженни Джонсон. Выписка успеваемости и результаты тестов SAT будут высланы по почте и оформлены на это же имя. Оно ненастоящее, однако при этом олицетворяет всю мою жизнь.

Несколько лет назад, сидя в школьном кафетерии, я совершенно случайно посмотрела на небольшой пакет молока. На боковой стороне была напечатана фотография девочки. Я узнала ее – это была я сама. Но в подобное невозможно было поверить, потому что я жила с чудесными родителями, которые души не чаяли во мне.

Я не знала, что мне делать. Если бы я пошла в полицию и рассказала, что меня украли, то похитителями объявили бы моих родителей. Их бы затаскали по судам, и эта история стала бы достоянием средств массовой информации. Я люблю их, поэтому не могла позволить причинить семье вред. Но если никому ничего не сказать, что будет с моей биологической семьей? Они же наверняка переживают.

Как должен поступить хороший человек в ситуации, когда любой ход приводит к ухудшению позиции? С этой проблемой я сталкивалась не раз.

Сейчас у меня две пары родителей: биологические (Донна и Джонатан Спринг) и с которыми я росла (Миранда и Фрэнк Джонсоны). В СМИ супругов Джонсон называют «семьей похитителей». Но это неправда, потому что они не знали, что меня украли.

Обычно в подобных ситуациях люди пытаются найти интересующую информацию в интернете. У меня есть знакомые, которые даже сделали сайт с моей биографией. Одной из причин, по которой я хотела бы учиться в вашем колледже, является желание избавиться от последствий собственного похищения, которое произошло пятнадцать лет назад. Можно предположить, что история давняя, но это не так. Люди не дают мне спокойно жить и не оставляют в покое, все время напоминая о преступлении, которое имеет для меня личное значение. Это трагедия, последствия которой заставляют меня сохранять лояльность двум парам родителей. В Библии написано: «Почитай своих отца и мать», и я стараюсь придерживаться данного постулата. Но если чтить одну пару родителей, получается, придется игнорировать другую.

Если меня примут в колледж в Нью-Йорке, я с легкостью смогу навещать и тех, и других. С Пенсильванского вокзала на электричке получится добраться до Нью-Джерси, где живет семья Спринг, а с Центрального вокзала можно ездить на поезде в Коннектикут, где проживают супруги Джонсон. Я нуждаюсь в обеих семьях, но не хочу жить ни в одной, потому что в данном случае придется выбирать.

В Нью-Йорке много людей. Я больше не хочу бояться незнакомцев и мечтаю оказаться в ситуации, когда окружена ими, мне нравится такое положение вещей. Можно было бы, конечно, пойти в колледж в Массачусетсе, потому что там живут родственники и молодой человек. Они всегда помогут, но я хочу быть независимой, хотя раньше подобного желания не возникало. Я волнуюсь и немного боюсь. Но пора становиться взрослой.

Знаю, что у меня не самые лучшие оценки. Частично это объясняется тем, что пришлось «разрываться» между двумя школами. В Коннектикуте, в штате, в котором я выросла, почти все ученики – мои знакомые. Все были очень добры, но жаждали знать все подробности похищения и моей последующей жизни. Я была своего рода знаменитостью, а не человеком, оказавшимся в сложной ситуации и стремящимся из нее выбраться. В школе в Нью-Джерси, которую посещали братья и сестра, одноклассники знали о похищении и иногда вели себя так, будто я сама хотела сделать больно моей биологической семье. Все это отнимало много душевных сил, в результате чего оценки были не очень хорошими. Обещаю, что в колледже приложу все силы, чтобы хорошо учиться.

Прошу зачислить меня на первый курс. Помимо этого у меня есть просьба личного характера. Мне хотелось бы, чтобы руководство не разглашало обстоятельства моей личной жизни среди студентов.

Спасибо».

Дженни приняли в вуз.

Супруги Спринг и Джонсон не хотели, чтобы девушка училась в колледже на Манхэттене. «Тебе будет сложно, – говорили они, – ты не выдержишь стресса, «вылетишь» за неуспеваемость. Надо быть рядом с теми, кто знает твою историю».

«Нет, – думала она. – Мне надо быть с людьми, которые про меня ничего не знают».

Ее поселили в общежитии с шестью сотнями студентов. Кругом были незнакомцы, которые о ней ничего не знали, и это радовало. Она волновалась, что, когда представится: «Здрасте, меня зовут Дженни Джонсон», ей скажут: «А-а-а, так это ты нашла биологическую семью и в нее вернулась. Подобное решение даже вынесли в суде. А потом бросила во второй раз и вернулась к «родителям-похитителям».

Большинству окружающих история казалась простой, как три копейки. Словно она могла заявить единственным маме и папе, которых знала, следующее: «Спасибо за все, мне пора в другую семью». И просто уйти, после чего поменять имя на Джен Спринг, что в общем-то делается довольно просто.

Одной из причин того, что СМИ периодически возвращались к ее истории, оказалось то, что Дженни была очень фотогеничной, с роскошными, рыжими, кудрявыми волосами и неотразимой, искренней улыбкой. Девушка не давала интервью, но выглядела прекрасно.

Перед отъездом в колледж ей захотелось сменить имидж.

У Джоди были точно такие же волосы, но она стриглась достаточно коротко. У Дженни было достаточно проблем с сестрой и поэтому не было никакого желания повторять ее стрижку. Перед колледжем Дженни просто зачесала волосы назад и закрутила в большой узел, потому что те были слишком кудрявыми для хвостика.

Когда Дженни вернулась в семью Спринг, она спала в одной комнате со старшей сестрой и делила единственный туалет в доме со всеми остальными членами большой семьи: папа, мама, старший брат Стивен, Джоди, а также младшие братья-близнецы Брайан и Брендан. Девушка была недовольна тем, что вернулась в биологическую семью, и своим поведением это открыто демонстрировала.

Сейчас, спустя три года, она вспоминала те времена и констатировала, что совершила массу ошибок и была чересчур упрямой.

«Следовало вести себя поприличней», – иногда укоряла она себя.

Но в той ситуации, в которой Дженни оказалась, все было не так-то просто.

В сочинении для колледжа она раскрыла душу так, как до этого раскрывала только Риву. Тем не менее она умолчала о двух важных причинах, по которым собиралась учиться в Нью-Йорке.

Она хотела найти друзей и подруг, с которыми дружила бы всю жизнь. Сара-Шарлотта навсегда останется ее лучшей подружкой, но в душе Дженни хотела освободиться от ее влияния.

Необходимо было найти собственный жизненный путь, каким бы он ни оказался, и двигаться к будущему с той скоростью, которая ее устраивает.

А еще хотела встретить мужчину, который стал бы ее мужем.

Она до сих пор любила Рива, но этот парень несколько раз причинил ей много боли. В каждый приезд из колледжа на каникулы (парень был на три года старше) они встречались, и Рив умолял: «Дженни, я был глупцом. Сейчас стал старше и немного мудрее».

Да, он действительно повзрослел, но по-прежнему был самым симпатичным парнем из всех, кого она знала. Вот только стал ли он мудрее?

Дженни так не считала. Он продолжал быть ее парнем исключительно в силу привычки. Ребята постоянно переписывались и обменивались сообщениями.

Она завела профиль на Facebook, где не было даже ее собственной фотографии-аватарки. Дженни никогда ничего не постила, только следила за действиями других людей.

Ее «вторая», приемная, мать Миранда Джонсон была не только рада за дочь, но и очень переживала. Жизнь женщины с недавнего времени сильно изменилась, и осталось, пожалуй, не так много радостей. Миранда очень хотела, чтобы Дженни начала обучение в колледже, и сама отвезла ее в Нью-Йорк в день, когда открыли общежитие для первокурсников.

Позднее девушка узнала, что ее мать и отец в семье Спринг взяли на тот день отгул, чтобы отвести дочь в колледж. Однако девушка отказалась от их помощи. Она часто говорила слово «нет», когда переехала в их семью («Это что, единственное слово, которое ты знаешь?» – пошутил однажды Стивен).

Дженни с Мирандой поднялись на лифте на пятый этаж общаги, где находилась ее комната. Из небольшого окна открывался чудесный вид на серебристые воды Гудзона. Ей хотелось побыстрее остаться одной. Настолько не терпелось начать новую жизнь, что она отказалась от помощи матери в распаковке вещей и выпроводила ее в коридор, а та расплакалась:

– О, Дженни, я буду так скучать по тебе!

Девушка усилием воли заставила себя не плакать. В противном случае, кто знает, может, она взяла бы и вернулась с матерью домой.

В коридоре находилось много первокурсниц, приехавших заселяться в общежитие. Все посмотрели на сопровождавших их родителей, как бы говоря: «Держите себя в руках! Не вздумайте плакать, как эта женщина».

– До свидания, Дженни! – голосила Миранда, стоя у лифта. – Я люблю тебя!

Двери лифта наконец закрылись, и мама уехала. Девушка сползла по стене и уселась на пол.

«Может, спуститься вниз и успокоить ее?» – думала она.

И вдруг почувствовала, что кто-то положил руку на плечо.

– Привет! Меня зовут Рашель. Теперь мы знаем, что ты – Дженни.

Собравшиеся в коридоре первокурсницы и их родители улыбались. В течение нескольких минут она познакомилась с Констанцией, Микаэлой, Робин и Самантой. Никто даже не упоминал фамилии.

Здесь никого она не интересуется! Отлично!

– На самом деле я – Джейн, – ответила девушка. – Дженни меня называет только мама.

Она никогда раньше не представлялась этим именем. С новой прической, а теперь еще и с новым именем стало как-то спокойнее. Имя «Джейн» звучало взрослее, чем Дженни.

Соседка по комнате появилась так поздно, что девушка уже начала думать, будто придется жить одной. Дверь комнаты открылась около одиннадцати вечера.

– Ева, – представилась вошедшая. – Ева Эггс¹. Я уже слышала все шутки по поводу своей фамилии, которые только можно представить. Никогда не произноси ее. Будем общаться, используя имена.

– Меня это полностью устраивает, – тут же согласилась Дженни.

Оценки у новых подружек были гораздо выше ее. Но девушки ужасно волновались по поводу жизни в Большом Яблоке, поэтому считали Дженни продвинутой из-за отсутствия данного страха. С этой точкой зрения вряд ли бы согласились знакомые по школе в Коннектикуте.

Рейчел любила балет и хотела, чтобы Дженни помогла ей добраться до концертного зала Линкольн-центр.

Констанция просила, чтобы та объяснила ей схему нью-йоркского метро.

Микаэла интересовалась модой и собиралась ее изучать, но родители считали, что это глупое и поверхностное занятие, поэтому направили дочь в этот колледж. Микаэла уговаривала Дженни съездить с ней в самые модные магазины и районы города, в которых можно было увидеть новые тренды.

У Евы был целый список мест в Нью-Йорке, которые она планировала посетить в обществе соседки по комнате.

Девушка выполнила пожелания всех новых подруг. И даже умудрялась по выходным через раз посещать Спрингов в Нью-Джерси и Джонсонов в Коннектикуте. Каждое воскресенье рано утром она ехала к ним на поезде.

Вскоре познакомилась со своим научным руководителем, который, судя по всему, о ней никогда ранее не слышал. Во время встречи мужчина периодически поглядывал на часы и, видимо, сожалел, что приходится тратить на нее тридцать минут своего драгоценного времени. Девушка была рада подобной реакции. Быть может, период, в который она невольно оказывалась в глазах всех героиней драмы с похищением, уже позади...

Дженни поделилась этими соображениями с Джоди, которая приехала на выходные ее навестить.

– Они ничего обо мне не знают. Никто даже не спрашивает мою фамилию. Для всех я – девушка по имени Джейн. Мне это ужасно нравится. Словно я надела шапку-невидимку.

Сестре всегда было сложно угодить.

– Ты поступила сюда под фамилией Джонсон, – с вызовом сказала она. – То есть под фамилией похитительницы. Если не хочешь, чтобы к тебе относились, как к жертве похищения, надо было использовать настоящую фамилию.

«А вообще она права, – подумала Дженни. – Собственными действиями я только усугубляю ситуацию. Не стоило называться Джейн. Надо было официально поменять имя и фамилию на Джен Спринг».

Но если бы она произнесла это вслух, сестра тут же ответила бы, что глупо и довольно странно говорить о такой перемене, когда Джен Спринг является ее настоящими именем и фамилией.

Когда пришло время уезжать, Джоди сказала:

– Должна признаться: раньше я считала, что ты не выдержишь расставания с домом в Коннектикуте. Но у тебя все прекрасно получилось. Здесь ты просто мисс Индивидуальность.

– Вот индивидуальности мне было не занимать, когда я и у вас жила, – заметила та.

– Да, но тогда она только всех раздражала.

Обе искренне рассмеялись. Дженни обняла сестру так крепко, как еще никогда не обнимала.

– Согласна, – сказала она. – Я действительно вела себя очень грубо и глупо. И действительно всех раздражала.

¹ Eggs в переводе с английского – яйца (прим. пер.).

– Точно, – согласилась Джоди. – Но сейчас с тобой весело, и ты ведешь себя весьма рационально. Кто бы мог предположить?

Дженни снова рассмеялась и сообщила сестре:

– Это лето я проведу дома.

– Да ладно? – недоверчиво переспросила Джоди. – Ты имеешь в виду наш дом? В Нью-Джерси?

– Если примете.

– О, Дженни! Мы-то тебя всегда хотели и были готовы принять. Это ты что-то ерундой занималась!

* * *

Чудесные недели обучения на первом курсе летели одна за одной.

Приближался День благодарения. В семье Евы было много традиций, связанных с этим праздником, и заведено разделение труда: кто-то готовил картофельное пюре, кто-то нарезал сельдерей для начинки индейки и т. д.

– У меня здесь появилась замечательная новая семья, – призналась девушка, – в которуюходишь и ты, Джейн, но просто сил нет, как хочется на День благодарения вернуться домой.

Даже Ева, с которой Дженни делила комнату и проводила много часов, не знала, что у соседки две семьи. Как и многие другие на этаже, она смутно предполагала, что в семье той был развод и кто-то из родителей завел вторую семью.

Вот, например, Микаэла и Рейчел вообще не вспоминали родной дом, семью и вели себя, будто никуда не собираются на День благодарения. Теперь Дженни поняла, почему многие родители так страшились отъезда чада в колледж: их любимый ребенок мог забыть восемнадцать лет жизни, как носок в дальнем углу полки.

Дженни же чувствовала, что эти годы, скорее, одежда, которую она не только никак не могла снять, но и ни на секунду не была в состоянии позабыть.

Девушка позвонила биологической матери.

– Мама, – на то, чтобы назвать Донну матерью, потребовалось три года и столько же, чтобы начать называть дом семьи Спринг собственным. – Я могу приехать домой на День благодарения?

– Конечно! – воскликнула та. – Съедется вся семья! Стивен из Колорадо и Джоди из Бостона. Брайан обещал не учиться в этот день, а Брендан сказал, что не будет тренироваться.

Близнецы все еще учились в школе. Брайан добивался успехов в учебе, а Брендан – в спорте. Когда Дженни приезжала в Нью-Джерси, по воскресеньям устраивали бранч, где Брайан всегда присутствовал, а Брендан – никогда. Даже если у него в это время не было тренировки, он уходил в гости.

После этого Дженни начала планировать разговор с другой матерью.

Несколько лет назад у Фрэнка случился инсульт. Миранде не хватало сил поднимать и переносить его. Тем летом, в конце которого Дженни должна была отправиться учиться и переехать в студенческое общежитие, Джонсоны переехали в специальное учреждение, где предоставляли проживание с уходом. Там отцу было гораздо удобнее. Однако для Миранды оно оказалось настоящей тюрьмой. Женщина могла бы найти себе квартиру поблизости от мест, где жили подруги по волонтерской работе, с которыми можно было ходить на ланчи и общаться. Но женщина не хотела оставлять супруга в тоске и одиночестве.

Миранда очень рассчитывала на приезд дочери в День благодарения.

Она не умела писать СМС и очень редко пользовалась электронной почтой, предпочитая говорить по телефону и слышать голос Дженни. Этот разговор девушка начала с того, что

рассказала, как идут дела у подруг Евы, Рейчел и Микаэлы, и только потом подошла к самому главному и сложному.

– По поводу Дня благодарения, мам, – произнесла она и почувствовала, что в груди все сжалось. Она еще ничего не сказала, но уже чувствовала себя виноватой. – В среду я поеду в Нью-Джерси и проведу День благодарения и всю пятницу с ними.

«Нью-Джерси» было кодовым названием биологической семьи; «с ними» означало семью Спринг.

– Утром в субботу приеду в Коннектикут и побуду с тобой до конца воскресенья, – быстро добавила она. – А потом вечером отвезешь меня на станцию, откуда я на поезде вернусь в Нью-Йорк.

– Отличный план, дорогая, – ответила Миранда дрожащим голосом. – Если будешь на День благодарения с нами, придется есть в общей столовой, где вместе с родственниками будет приблизительно сто человек. И клюквенный соус здесь не домашний, а покупной из банки.

Обычно Дженни очень переживала, когда слышала такой тон матери. Но последняя встреча с сестрой сильно повлияла на девушку, которая начала понимать, что изменение ее собственной личности не должно произойти от Джен в сторону Джейн. Она должна измениться, превратившись из Дженни в Джен, должна избавиться от всего, что имело отношение к похищению, даже если эти привычки и стереотипы знакомы и приятны. Однако прямо сейчас она еще не была готова, хотя уже планировала и знала, что в ближайшие несколько месяцев станет Джен Спринг.

– Мам, я понимаю, что из-за моего отсутствия для тебя этот праздник будет не самым лучшим. – Это было совершенно лишним и даже глупым замечанием. Своим отсутствием она испортит весь праздник. – Мы увидимся в субботу, и все будет прекрасно. Я тебя люблю.

– Конечно, дорогая. Я тоже тебя люблю.

Постепенно, в течение праздников и выходных, Дженни отдалялась от семьи Джонсонов и все больше сближалась с семьей Спрингов. Последние этому очень радовались, а первые страдали.

Закончив первый курс, девушка решила установить четкий график пребывания в каждой из семей. С понедельника по пятницу она жила в Нью-Джерси, где начала работать в ресторане, специализировавшемся на блюдах из жареной рыбы. После возвращалась домой, с волосами, пропахшими рыбой, луком и маслом. В пятницу работала до обеда, собиралась, тщательно мыла голову, чтобы избавиться от запаха, и садилась на поезд из Нью-Джерси в Нью-Йорк. Там на метро добиралась до Центрального вокзала и ехала в Коннектикут, где на железнодорожной станции ее встречала Миранда. Во время пребывания у вторых родителей Фрэнк улыбался не парализованной половиной рта и иногда участвовал в разговоре. Но главным образом просто сидел в инвалидном кресле.

Когда случился первый инсульт, Миранда практически все время проводила с мужем в больнице. Тогда она попросила дочь заняться оплатой счетов. Разбирая документы на рабочем столе отца, девушка нашла папку с документами, которые свидетельствовали о том, что мужчина был в курсе местонахождения Ханны и платил ей деньги несколько раз в год. В течение двенадцати лет родители не подозревали, что та похитила Дженни. Но потом случилась история с фотографией на пакете молока, делом занялись ФБР, полиция и состоялся суд. Фрэнк Джонсон знал, где находится женщина, но никому об этом не сказал. Более того, выписал чек в день, когда ФБР устроило ему допрос.

То, что Дженни была жертвой похищения, оказалось для нее шоком. Еще большим оказалось известие, что отец не только знал местонахождение Ханны, но и финансово поддерживал похитительницу. Этим секретом она поделилась с Ривом, который знал всю историю, и для нее всегда было большим облегчением, что кто-то в курсе событий.

В колледже девушку ждал сюрприз – она поняла, что гораздо спокойнее и проще жить среди людей, которые ничего не знали о ее прошлом.

На первом курсе Дженни видела Рива только на День благодарения и Рождество. Летом они встречались только один раз, когда его родители устроили сыну грандиозную вечеринку в честь окончания колледжа. Все прошло чудесно, там присутствовали все приятели Рива по школе. Во время празднования они оставались одни буквально одну минуту. Парень накрутил ее локон на палец, давая понять, что хочет снова быть вместе.

Она практически никак не отреагировала, лишь отрицательно покачала головой и поцеловала его в щеку. Рив не понимал, почему девушка так и не смогла его простить. Откровенно говоря, Дженни и сама не понимала.

На следующий день Рив уехал из родного дома: он получил хорошую работу на юге страны. Прощались ребята в присутствии большого количества людей. Это было скорее формальностью, оба чувствовали себя скованно. Они обменялись дежурными фразами. Кажется, она сказала: «Удачи», а тот ответил: «Береги себя». После этого соседский мальчик превратился в мужчину, которому надо зарабатывать деньги и делать карьеру.

Ее сердце было разбито. Но Дженни хотелось встретить мужчину, которому можно доверять полностью, а Риву получалось только наполовину. Ей было очень больно чувствовать, что она его потеряла, ведь любимый теперь живет в нескольких тысячах километров, и про его жизнь ничего не известно. Дженни максимально нагрозила себя работой, чтобы об этом не думать. Родители переехали в дом у гавани, поэтому девушка больше не виделась с членами его семьи, не видела подъезд к дому, где он учил ее сдавать задним ходом, не видела участка перед домом, на котором помогала ему собирать опавшие листья, не видела его мать, которая могла бы рассказать, как живет Рив. Она одновременно хотела и боялась услышать, что с ним происходит, ведь сама больше не являлась частью его жизни.

К июлю того лета Дженни начала приезжать к родителям в Коннектикут только утром в воскресенье. К августу начала брать машину Донны, приезжала к обеду и в тот же вечер возвращалась в Нью-Джерси. Посещения становились все короче. Миранда поседела и еще больше похудела.

«Кто в этом виноват? – размышляла девушка. – Я? Или сама жизнь? Несу ли я ответственность за то, чтобы другая мать была счастлива? Или сама Миранда должна завести новые знакомства и понять, как быть счастливой? Мне восемнадцать лет. Имею ли я право жить так, как хочу, и на условиях, которые меня устраивают? Или нужно идти на компромисс, потому что мама испытывает жизненные трудности?»

Единственным человеком, с которым она могла поделиться сомнениями, был Рив. Но Дженни решила больше никогда этого не делать.

Второй элемент пазла похитительницы

Из фудкорта был выход на парковку.

Женщина, которую раньше звали Ханной, взяла девочку за руку и произнесла:

– Давай прокатимся.

Если их кто-то остановит, Ханна скажет, что разыскивает родителей маленькой потерявшейся девочки.

– А где мама? – снова спросила та.

Упорство вызвало у похитительницы чувство раздражения.

– Мы с ней встретимся.

Им надо было пересечь огромную парковку. Рыжие волосы девочки развевались на ветру, как флаг, привлекавший излишнее внимание.

Но никто их не остановил. Ханна чувствовала прилив адреналина.

«Это гораздо интереснее, чем угонять машины», – подумала она.

Девочка осмотрелась. Лицо не было испуганным, она просто хотела понять, где мама.

– А знаешь что, – произнесла Ханна, – можешь сесть на переднее сиденье.

Маленьким детям это запрещено, поэтому девчужке предложение очень понравилось, и она тут же забралась на переднее сиденье. Она была такой маленькой, что со стороны ее практически не было видно. Ханна не стала использовать ремень безопасности, хотя девочка об этом попросила. Женщине было просто не до этого.

Вокруг торгового центра раскинулись огромные парковки, по которым машина начала кружить в поисках выезда. Ханна не сразу увидела указатели съезда на автобан. Навстречу пронесся джип с мигалкой на крыше и магнитной полосой на двери с надписью «Служба безопасности».

Похитительница ощутила еще больший прилив адреналина. Ей стало страшно до мурашек, словно от холода. Она была возбуждена до предела. Водитель джипа не посмотрел на нее и не заметил маленькую пассажирку на переднем сиденье.

Ханна рассмеялась. Получалось, в этом центре нет никакой безопасности.

– Так где же мама? – в очередной раз спросила девочка.

Ханну утомили эти однообразные идиотские вопросы.

– Прилегла подремать, – ответила она. – Когда приедем, она уже проснется.

Женщина выехала на автобан и стала выбирать направление исключительно по наитию. На самом деле она действовала так же, как и до посещения торгового центра, – заехала, не глядя, в первый попавшийся съезд. На этот раз, как оказалось, она поехала на север. Ханна решила сменить тему разговора.

– Как тебя зовут?

Малышку звали Дженни, ей нравились туфельки, нравилась собака, которая жила у них дома. Казалось, что этой девочке нравилось все. Похитительница снова быстро утомилась, на этот раз от жизнерадостности ребенка.

– Ложись на сиденье, – предложила она. – Поспи.

Девочка послушно свернулась калачиком на сиденье. Вскоре скорость, покачивание автомобиля и равномерный звук мотора действительно ее усыпили.

Не прошло и часа, как они доехали до пригородов Нью-Йорка.

Ханне не особо нравилось следить за движением на дороге, но выбора не было. Ей не нравилось платить сборы за пользование дорогой, но приходилось. Она ненавидела ситуации, в которых не было выбора. В этом обществе подобное, к сожалению, часто происходило, ее заставляли делать вещи, которые делать совершенно не хотелось.

Цель жизни Ханны была простой: быть свободной.

Чем ближе они были к Нью-Йорку, тем больше становилось машин и развязок. Потом дорога расширилась, и женщина с облегчением вздохнула. И тут заметила кудрявую рыжую голову на переднем сиденье. Она уже успела позабыть об этой девочке и о том, что хотела с ней сделать. Куда теперь девать эту обузу?

Ханна ненавидела брать на себя ответственность. Ребенок! Если так пойдет и дальше, вскоре у нее будет квартира, за которую надо платить, и работа на какой-нибудь фабрике. Надо было срочно избавиться от Дженни.

Она увидела указатель на Новую Англию и дальше на север.

Севернее Новой Англии находился штат Коннектикут.

Ханна решила, что оставит ребенка у родителей. В последний раз она видела маму с папой несколько лет назад, когда те пытались отобрать ее у группы людей, которых называли мерзким словом «секта». На самом деле действия родителей привели к тому, что главного гуру группы в конце концов арестовали, после чего все развалилось. Ханна была очень зла на мать с отцом и не могла придумать, как им отомстить.

«Я знаю, что делать! – подумала она с улыбкой. – Скажу им, что это мой ребенок».

– Просыпайся! – громко и бесцеремонно сказала она, но девочка не проснулась. Ханне пришлось ее ткнуть. После сна лицо малышки было немного опухшим, и она тут же принялась хныкать.

– Давай сыграем в игру! – воскликнула Ханна. – Я – твоя мама, а ты – моя маленькая дочка! Совсем скоро мы встретим новых бабушку и дедушку! Будет весело, верно?

И действительно было весело.

Мама и папа, которых Ханна давно не видела и с которыми не имела никакого контакта, обнимали и целовали дочь. На какую-то долю секунды женщина вспомнила, что такое любовь, но отбросила эти мысли и сконцентрировала все внимание на девочке.

– Эта рыжеволосая красавица – наша внучка? – воскликнули изумленные родители.

И тут же начали обнимать, тискать и целовать обеих еще сильнее.

Они бросились с ней в ванную и смыли липкие остатки мороженого, сделали сэндвич с маслом и джемом на тосте с отрезанной корочкой. Потом нашли милый детский стаканчик с изображенной на нем русалочкой и налили немного молока. После того, как девочка выпила, не разлив ни капли, они восхитились и стали громко ее хвалить.

Эти люди не видели Ханну несколько лет, но уже сейчас отвели ей второе после девочки место. Дочь их за это ненавидела.

Они водили вокруг малышки хоровод, пели с ней песенки и качали на руках, пока та не заснула.

Периодически девочка делала непонимающее выражение лица и спрашивала, когда ее отвезут домой.

Ханна была гениальной лгуньей и объяснила, что, так как жила в общине, у девочки было много мам, братьев и сестер.

Потом родители принялись досаждать вопросом, кто является отцом. Женщина наплела историю, как гуру выбрал ей партнера, его личность не имела никакого значения, так как ребенок принадлежал не кому-то лично, а группе в целом.

Эта новость оказалась для отца и матери понятной. Если никто лично не предъявлял претензии на ребенка, их это вполне устраивало. Тут Ханна решила, что все ее действия в течение дня оказались совершенно логичными. В секте руководители часто говорили, что существует судьба и некоторые события просто обязаны произойти. Все это объяснялось присутствием некоего вселенского разума, который решал все, поэтому человек мог расслабиться, плыть по течению и не переживать по поводу решений, которые, как ему кажется, должен принимать.

Значит, она поступила совершенно правильно – просто плыла по течению.

Впрочем, у полиции по поводу похищения наверняка были бы другие соображения. Полиция – это что-то типа коллективной болезни общества. Полицейские – это паразиты, живущие на теле современного общества. Они постоянно лезли в дела, которые их не касались.

Ханна решила себя обезопасить и придумала следующее: сказала, что девочке не разрешено смотреть телевизор. Она твердо заявила, что маленьким детям это вообще вредно, и она не хочет, чтобы ее дочь выросла на глупых телепрограммах.

Все последующие дни родители не включали телевизор и по этой причине не увидели сообщений о пропаже девочки в Нью-Джерси. А когда малышка спрашивала, где ее мама, они думали, что та говорит про Ханну, поэтому придумывали какую-нибудь причину, после чего тут же вовлекали ее в интересное занятие или игру. Шли недели, месяцы, и постепенно Дженни перестала спрашивать, где мама, и полностью ее забыла.

II

Она училась на втором курсе и практически забыла о собственном сложном прошлом, вспоминая, лишь когда находилась с Фрэнком и Мирандой. Прошла осень, наступила зима. Снег в тот год выпал рано, снегопады были частыми, лежал снежный покров долго, сойдя только в апреле. Земля оголилась, однако погода по-прежнему была прохладной.

Практически у всех студентов были мобильные телефоны. Где бы то ни было: в кафетерии, во время лекций, в свободное время в общаге и на улице они писали эсэмэс и выходили в Сеть. Дженни могла сидеть где-нибудь на улице на скамейке на территории кампуса, рядом находились несколько человек, но никто не общался – все были погружены в телефоны.

В тот день было чуть теплее, чем в предыдущие несколько недель.

Дженни расположилась на низкой каменной стене и играла на своем мобильном в «Эрудит» с Сарой-Шарлоттой. Та находилась в Бостоне, но подруги общались настолько часто, что девушка практически не замечала проживания в разных городах.

Рядом на стену сел парень. Она не обратила внимания, сконцентрировавшись и придумав длинное слово с очень удачно расположенными буквами, что значительно увеличило количество очков.

– Я видел тебя на днях, – неожиданно сказал парень. – Ты гуляла вдоль реки. А я был на велосипеде.

Она с удивлением подняла взгляд. Это был совершенно незнакомый ей человек с кудрявыми волосами и приятной улыбкой. Он несколько дней не брился, темная щетина была ему к лицу. По виду парень был на несколько лет старше, наверное, аспирант.

– Думаю, велосипед в городе сильно помогает, – ответила она. На данный момент «коня» видно не было. Все члены семьи Спринг были заядлыми велосипедистами, но она сама ездила мало: боялась, что ее собьет машина.

– Если не идет дождь или снег, это действительно классная вещь, – согласился он. – В городе на велосипеде можно добраться до нужного места быстрее, чем на такси или автобусе. Я говорю о спуске вниз к центру города. Назад приходится ехать в гору. Но это тоже неплохо, хорошая тренировка.

Парень ненадолго замолчал, после чего вдруг произнес:

– Не хочешь прогуляться со мной в парке?

Риверсайд-парк – это узкая полоска земли, протянувшаяся вдоль Гудзона на много километров. Там было много кортов для тенниса, бейсбольных, детских площадок и для выгула собак, а еще сотни скамеек. Полиция регулярно патрулировала район. Сегодня в это время в парке прогуливались много мам и нянь с колясками и маленькими детьми, масса пьющих кофе людей самых разных возрастов, а также школьных бейсбольных команд, вышедших на тренировку.

Незнакомец улыбался. Его улыбка была искренней и очаровательной.

– Я буду рад, если составишь мне компанию, – произнес он. Тон его голоса давал понять, что все будет совершенно безопасно. – Это общественный парк, тут много людей. У нас до захода солнца еще час, – добавил он.

«В этом кампусе сотни девушек, – подумала она, – но он заметил меня и хочет пообщаться».

Неожиданно девушка ощутила тяжесть небольшого телефона, который держала в ладони. Тут же захотелось написать Саре-Шарлотте сообщение: «Я встретила его!»

Его.

Того загадочного будущего парня, о котором они с подругой мечтали. Абсолютно идеального, понятное дело, и влюбленного по уши.

Нет. Она ничего не скажет, пока не будет совершенно уверена.

– Звучит неплохо, – ответила Дженни, хотя все звучало лучше, чем просто неплохо: очень романтично, замечательно и вообще просто прекрасно.

Они не представились друг другу. Парень подстроил шаг под нее и говорил сам, что было идеально: можно слушать и собираться с мыслями.

– Я хочу стать писателем. Изучаю писательское мастерство. И оно сложнее, чем я мог представить. Но у меня прекрасные преподаватели.

Единственный текст, который она легко написала в этой жизни, был рассказ, приложенный к документам на поступление в колледж. И ее поразило, что неизвестные люди в приемной комиссии дали то, о чем студентка просила: анонимность.

В парке они выбрали ближайшую к реке тропинку и медленно по ней пошли. Во время таких прогулок Дженни смотрела на корабли на реке, прохожих, детей, собак и закрывавшие горизонт дома. На этот раз всего этого не видела и участвовала в разговоре – рассказала о колледже, предметах и общежитии.

Солнце садилось. Они долго гуляли и зашли достаточно далеко. Потом вышли через парк на Риверсайд-драйв и сели в автобус № 5, идущий на север. Там было полно народу, без толкотни не обошлось. Он взял ее за руку, чтобы поддержать.

– Меня зовут Майкл. Майкл Хастингс.

– Майкл, – повторила она. Ей всегда нравилось это имя.

Но настал ее черед представиться. Он ждал, что она назовет свое имя.

А как ее звали?

Если это будущий муж (она надеялась, бедняга не знает, что она уже давно переварила первое свидание и находилась на стадии планирования свадьбы), надо сказать настоящее имя. Но самое захватывающее в Майкле (кроме того, что он хорошо выглядел, имел прекрасное тело и отлично говорил) было то, что он про нее совершенно ничего не знает. Ему была неинтересна история совершенного много лет назад преступления. Он просто хотел общаться с девушкой, которую увидел на территории кампуса.

– Меня зовут Джейн, – произнесла она наконец, словно отвечала на трудный вопрос ТВ-викторины.

– Рад познакомиться, Джейн.

Майкл был высоким и смотрел на нее сверху. Девушка же была среднего роста и должна была задирать голову. Она не могла оторвать от него взгляд. От вида парня у нее по телу бегали мурашки. Дженни давно не испытывала таких ощущений.

Вспомнился Рив.

Вся ее история, начиная с той секунды, когда она увидела собственное лицо на пакете молока, была в конечном счете про верность.

Должна ли она хранить верность Риву?

Он был ее другом и опорой, но в определенный момент предал и сильно подвел. Рив продал личные подробности ее жизни, превратив их в рассказ, чтобы пробиться на радио. Некоторое время после этого она его ненавидела. Однако потом снова понадобился на некоторое время. Но Рив как бы застрял в прошлом, что ему сильно мешало двигаться дальше.

«Я люблю его, – думала Дженни. – Хотя не обязана хранить ему верность. Он – мой бывший молодой человек».

Сердце кольнуло от мысли: Рив навсегда остается в прошлом. Девушка глубоко вздохнула, и ей показалось, что видит парня с его всклокоченными волосами и огромной ухмылкой...

– Давай я тебе отправлю сообщение, Джейн, – предложил Майкл. – У тебя будет мой номер.

Дженни Джонсон никогда ничего не раскрывала: ни своего прошлого, ни имен, ни телефонных номеров.

«Почему? – спросила она себя. – Неужели я думаю, что похитительница появится снова? Чего я боюсь? Ведь я хочу, чтобы Майкл мне позвонил. Я хочу писать ему сообщения. Он может оказаться для меня важным человеком, первым после Рива, который много будет для меня значить».

После расставания с Ривом девушке казалось, словно она стоит перед обрывом.

Майкл рассмеялся.

– Хорошо, хорошо, тебе сложно пока мне верить. Ты ничего обо мне не знаешь, так что давай забудем про сообщение. Я буду сидеть на той каменной стене каждый день в это время.

– Можно влюбиться в парня, который готов тебя каждый день ждать на каменной стене, – произнесла Констанция в общаге.

– В следующий раз дай ему номер, – сказала Рейчел. – Если он тебе не нужен, то мне пригодится. Я сама выйду к каменной стене.

– Я буду завтра проходить в том месте, сфотокаю его на телефон, и мы все на него посмотрим, – сказала Микаэла.

– Вот этого не надо! – огрызнулась Дженни, удивившись собственной резкой реакции.

Та подняла вверх обе руки.

– Шучу, шучу.

Сердце бешено колотилось. Она, как никто другой, знала силу, которой может обладать всего лишь одна фотография. Жизнь семьи Джонсонов изменила маленькая черно-белая на пакете молока...

Дженни была еще не готова к этому.

– А где он слушает курс? У нас в колледже? – поинтересовалась Ева.

– Кажется, он об этом не упоминал.

– Посмотри на его студенческий билет. Вдруг он окажется подозрительным типом.

Дженни и Майкл встретились у каменной стены на следующий день и потом практически каждый после этого.

Чаще всего он приходил первым и приносил какой-нибудь подарок: миниатюрный, посыпанный сахаром пончик, стакан горячего шоколада, цветочек, купленный у уличного торговца.

Дженни съела пончик. Выпила шоколад, вымыла стаканчик и поставила его на полку. И сохранила цветок.

– В его подарках я чувю какой-то подвох, – заметила Ева. – Он тебя словно подкупает.

– Нет, не думаю, – отвечала Дженни со смехом. – Это просто милые маленькие жесты.

Все девушки с этажа общаги хотели знать подробности встреч, и она с удовольствием рассказывала о Майкле. Кроме соседок по этажу, про него никто не знал. Даже Сара-Шарлотта, которая была в курсе ее настоящей истории почти так же хорошо, как Рив. Она не рассказала ни родителям, ни Джоди, которой было бы очень интересно услышать, ни братьям, которых эта романтическая история вряд ли бы заинтересовала.

Даже Рив не понял бы, как она себя чувствовала. Как деревья и кусты в Нью-Йорке были готовы дать первые листочки, так и Дженни была готова расцвести. При встречах с Майклом прошлое исчезало и переставало существовать. Второй раз в жизни девушка стояла на пороге большой и чистой любви.

Безо всякого сомнения, Майкл был влюблен, он расспрашивал детали и подробности ее жизни. И очень быстро понял, что Дженни не хочет обсуждать детство и семью.

– Я все понимаю, – извинялся он. – Ты не любишь говорить про семью, хотя мне очень хотелось бы знать про тебя как можно больше. В прошлое воскресенье ты была в Нью-Джерси, а в воскресенье до этого навещала родителей в Коннектикуте. Мои тоже разведены, но ситуация не настолько плохая, что про это нельзя говорить.

На самом деле обе семьи Дженни были крепкими.

«Никто не разведен, – хотела она ответить. – Мои родители любят друг друга».

Однако чувствовала, что не готова поведать свою историю. Если это сделать, то прелесть и романтичность отношений могли бы измениться и потускнеть. Тогда Майкл станет таким же, как и многие другие, – наблюдателем и зрителем ее кошмара.

– Лучше расскажи, как продвигается работа над книгой, – сказала она.

– Очень медленно, потому что я все время думаю о тебе.

Они поцеловались.

– Впусти меня в свой мир, Джейн, – просил он.

На что она неизменно отвечала:

– Еще не время.

Еве парень не нравился.

– В нем есть что-то, что меня настораживает.

Дженни не спорила. Просто ждала, когда подруга сменит тему.

– Ты про него ничего не знаешь, – настойчиво говорила та. – Меня это волнует. Ты никогда не была у него дома, ощущение, что он без друзей и собирается присосаться к твоим. И вообще нет уверенности, что он аспирант. Ты не видела документов.

– И он про меня ничего не знает, – возразила Дженни. – Поэтому мы прекрасно подходим друг другу.

– Ты очень скрытная по поводу всего, что касается твоей семьи. Наверное, такую, как ты, можно встретить одну на миллион. Он кажется таким же загадочным. Сложно представить, чтобы два настолько похожих человека просто так встретились на скамейке в парке. В общем, какой-то он сомнительный.

– Не на скамейке, а на каменной стене, – поправила Дженни. – И ничего сомнительного в нем нет. Он очень романтичный.

Весна в тот год выдалась чудесной. На кустах и деревьях в парке появились листья, лопались почки и распускались цветы. Собранные и требовательные жители Нью-Йорка немного потеплели и расслабились. Но только не Ева. Она переживала за подругу и часто сопровождала ее, когда та ходила на свидания с Майклом.

Однажды, когда они вдвоем сидели в ресторане и ждали заказ, Майкл спросил Дженни:

– Почему ты никогда ничего не постишь в Facebook?

Тот же самый вопрос ей задавали Ева и Рейчел, но девушка уже не помнила, какую причину тогда придумала. На Facebook были десятки других Дженни Джонсон. Она выбрала фотографию, узнать по которой ее можно было не точнее, чем изображение одного дерева от другого. Она была в Сети, только чтобы смотреть посты других.

– Дженни очень не любит разглашать информацию личного характера, – поддержала подругу Ева. – Мне кажется, это хорошая черта. Но она совсем не конформист, просто никому про себя ничего не рассказывает, и точка.

– Я не согласен, что это хорошая черта, – возразил Майкл. – Меня она немного раздражает, – и он вместе со стулом немного отодвинулся от Дженни.

Их разделяло несколько дополнительных сантиметров, которые показались девушке пропастью. Нормальные люди делились тем, что происходило в их жизни. Она понимала, что настал ее черед. Но как только вспоминалась фотография на пакете молока, становилось не по себе. Не было желания рассказывать, как тогда, в возрасте пятнадцати лет, она прошептала «Это – я». Не было желания вспоминать, как тогда она задала себе вопрос: «Неужели мои родители являются моими похитителями?»

«Я не могу и не хочу никому доверяться. – Дженни пришла в ужас от этой мысли. – Стоит ли вообще жить, если ты не в состоянии поделиться самым сокровенным с друзьями и членами семьи?»

Перед мысленным взором снова появилось лицо Рива. Верила ли она ему, или то, как он себя повел, должно быть предупреждением, что довериться можно не тому, кому следует?

– На самом деле и ты на Facebook ведешь себя довольно странно, – сказала Ева Майклу. – Я попросилась к тебе в друзья, но ты не ответил.

– Прости! – воскликнул Майкл. – Честное слово, я не специально. Конечно, я хочу быть твоим другом. Да я и есть твой друг. Но вот дружбы Дженни я просто жажду.

Ей не понравилось то, что он использовал слово «жажду». Какое-то странное, беспокойное.

До дома шли пешком. На улицах ночного Нью-Йорка была светло и шумно, словно они пробирались сквозь толпу людей на вечеринке. Но в тот вечер что-то было не так, она чувствовала, что Майкл хочет как можно быстрее закончить вечер. Дженни никак не могла придумать, как лучше разрядить обстановку, но из-за стоящего перед глазами Рива не придумала ничего лучше, чем предложить щеку для поцелуя.

Однако Майкл не воспользовался случаем. Он проводил их до входа в общежитие и буквально сбежал.

Девушки вошли в здание и двинулись в сторону лестницы. Ева считала, что надо следить за фигурой, особенно после двойного десерта. Она на мгновение задержалась у ящичков, в которые раскладывали входящую почту студентов, хотя мало кто из общежития получал письма по почте.

– Представляешь, – удивилась Ева, – тебе письмо. Мне кажется, я, как сюда поступила, ни разу не получала бумажной почты. Родители звонят, сестры пишут по почте, друзья – СМС, и общаемся через Facebook.

Она передала соседке письмо.

Девушки взбежали на второй этаж, несколько секунд постояли, бегом преодолели еще один и потом уже медленно поднялись на пятый.

– Зато будем худыми, – тяжело дыша, произнесла Ева.

Они немного постояли, чтобы отдышаться. Дженни внимательно изучила конверт.

– Впервые слышу имя человека, который мне написал. Некто Кальвин Винесетт. Наверное, реклама, пытаются что-то втюхать. Ты посмотри, какой конверт дорогой.

Они вошли в комнату. Ева сняла одежду, положила в матерчатый мешок, сняла постельное белье и засунула его туда же, после чего направилась в прачечную. Дженни бросила конверт в мусорное ведро.

«А вдруг там что-нибудь важное?» – пришла мысль.

Девушка снова взяла его в руки.

«Дорогая мисс Джонсон,

Меня зовут Кальвин Винесетт, и я пишу романы о произошедших в реальности преступлениях. Как и многих американцев, меня поразила история вашей жизни. На моем сайте содержится вся информация о написанных книгах, и вам будет легко понять, какого рода произведения я пишу. Мне хотелось бы написать книгу о вас.

Вас украла женщина, о которой известно очень мало. Вскоре после совершеннолетия эта женщина бросила семью, чтобы присоединиться к секте. Ее родители были против решения дочери. Информация о ее жизни довольно обрывочна. Однажды она увезла вас от вашей биологической семьи. Однако вы смогли все пережить и победили. Сейчас вы счастливая дочь и сестра в двух разных семьях, обучаетесь в престижном колледже.

Книга, которую я хотел бы написать, не только вызовет интерес миллионов американцев, но и, возможно, поможет обнаружить похитительницу. Помогая написанию этой книги, вы помогаете поимке преступницы».

Книга! Будто им мало того, что про нее сняли документальный фильм; мало того, что ее история фигурировала в одном из эпизодов передачи о преступлениях America's Most Wanted;

мало того, что в каждую годовщину пропажи или под каким угодно другим надуманным предлогом представители СМИ осаждали не только ее саму, но и Фрэнка с Мирандой, и Донну с Джонатаном.

Девушка выбросила письмо в мусорку. Потом вынула и разорвала пополам. Но и этого показалось мало. Она порвала письмо на мельчайшие кусочки, бросила в корзину, вышла в коридор и выбросила содержимое в мусоропровод.

Если она не может решиться рассказать о своем прошлом Майклу, то совершенно точно никогда ничего не расскажет Кальвину Винасетту.

Для написания подобной книги автор наверняка запланировал опросить всех близких друзей, которые тоже получили письма подобного содержания. Дженни представила, как те бегут к Винасетту, умоляют, чтобы он взял у них интервью, потому что им не терпится внести свою лепту в великое дело написания такого важного произведения.

Девушка почему-то не переживала по поводу того, что Рив будет готов рассказать этому человеку ее историю.

«Я не осталась тебе верна, – подумала она, – но ты будешь хранить мне верность».

Рив был человеком, который учился на своих ошибках.

В этот момент девушке так сильно захотелось увидеть его, что она была готова ехать в Северную Каролину автостопом.

Дженни взяла iPad и зашла на страничку Кальвина. Быстро изучила содержимое, и у нее сложилось ощущение, что этот человек пишет только бестселлеры, которые переводят на многие языки мира. В основном книги касались зверских и кровавых убийств. Она почитала пару отзывов критиков, которые говорили, что автор мастерски раскрывал психологические мотивы и души преступников, а также правдоподобно описывал страдания их жертв.

СМИ неоднократно вытирали ноги о Фрэнка и Миранду. Все осуждающе писали, какие они плохие люди, раз вырастили дочь-преступницу. В печати и на телевидении с осуждением отзывались о том, что супруги оставили у себя маленькую девочку. Никто не хотел верить, что они не подозревали о произошедшем. И после того, как Дженни узнала себя на фотографии, эти хитрые Джонсоны снова заманили невинную девочку к себе, и среднюю школу она окончила в семье пособников похитительницы, а не живя со своими биологическими родителями.

Ощущения были ужасными. В ситуации, когда на помощь Фрэнка было невозможно рассчитывать, да и на Миранду из-за ее состояния надежд не было никаких, придется самой столкнуться с потоком лжи в СМИ.

Мобильный телефон зазвонил. Это была мама из Нью-Джерси.

– Привет, – произнесла Дженни.

– Привет, дорогая. Ты получила письмо от Кальвина Винасетта?

– Да.

– Мы все тоже, – сообщила Донна.

«Все, – подумала девушка. – Это значит папа, Стивен, Джоди, Брендан и Брайан. Они переживали последствия похищения на двенадцать лет дольше, чем я. Они ненавидят все, что связано с этим. Иногда ненавидят и меня, потому что поблизости нет Ханны, которую можно ненавидеть».

– Ты знаешь, а книга, которую он предлагает написать, может способствовать поимке преступницы, – произнесла мама.

«Неужели мама хочет, чтобы я помогла ему?» – поразила Дженни.

– Но это будет книга и о родителях, для твоей бедной матери это может стать тяжелым ударом.

Девушка подумала о том, сколько же у Донны мужества и такта, чтобы назвать Миранду Джонсон «бедной матерью». Иногда она ощущала необыкновенную гордость за то, что является ее дочерью. Но сейчас ничего этого не сказала. Как и того, что за последние полтора года

Донна Спринг стала для нее настоящей матерью, а дом в Нью-Джерси – настоящим домом. Дженни привыкла недоговаривать, потому что все то, что было бы приятно услышать Донне, принесло бы Миранде много горя.

– Ты собираешься помогать ему?

Казалось, давнее похищение превратилось в кислоту, которую вылили на ее прекрасную и романтическую весну.

«Перестань, – пыталась она успокоиться. – На самом деле ничего серьезного не происходит. Все в глубоком прошлом. Меня это не должно волновать. Пусть пишет все, что ему в голову взбредет. Меня это не должно трогать».

Тем не менее неприятно чувствовать, как к ней тянутся длинные пальцы медиа и СМИ, которых интересовала главным образом она сама. Всем хотелось, чтобы жертва похищения начала реагировать, расстраиваться и плакать.

– Дорогая, тебе решать, – произнесла мама. – Только ты знаешь, как правильно поступить.

Однако сделать все правильно оказывалось далеко не так просто, как считали многие.

Два невинных человека – Фрэнк и Миранда – не по своей воле оказались под прицелом средств массовой информации из-за предательства Ханны.

Бедный, несчастный Фрэнк пытался помочь родной дочери. Он старался сделать все правильно и для другой – Дженни. Но никогда не узнает, что в итоге произошло. Мужчина даже не помнит, что ел на обед...

И Миранда всю жизнь старалась делать все правильно. Она была чудесной мамой для маленькой Дженни, которую привели в дом. Женщина давала «дочери» все: заботу, замечательные подарки на Рождество, учила водить машину, украшать торты, читала ей на ночь сказки. Она всегда и все делала правильно. Но СМИ это не брали во внимание, нападая на Миранду, как голодные волки.

Да, Ханну надо было найти и арестовать, отдать под суд и посадить в тюрьму. Но если будет суд над ней, значит, и над ее родителями: Миранду и Фрэнка осудят в газетах, в Сети, на радио и по телевизору. Маму осудят все бывшие коллеги, соседи и друзья.

– Мне сложно понять, что правильно, – призналась Дженни. – Вместо этого я прячусь.

– Не надо торопиться, – ответила Донна. – Можем вместе об этом подумать летом, когда времени будет больше.

Лето.

Время длинных и ленивых дней, темных и коротких ночей, тепла и солнца.

Кальвин Винесетт будет вылавливать Дженни, ее братьев и сестру, выискивать старых школьных знакомых, постарается взять интервью у двух пар родителей.

После окончания разговора она еще долго держала в ладони телефон. Очень хотелось позвонить Риву и услышать его голос. Он бы точно понял ее ситуацию и поддержал бы.

«Мне кажется, Майкл поймет, – подумала она, – если получится все рассказать».

Третий элемент пазла похитительницы

В секте никто не использовал имена, данные при рождении.

Секта, или, как она говорила, группа, будет ее семьей и опорой. Ее члены будут помогать друг другу и окажутся более полезными и верными, чем люди, которые по воле случая стали их родителями.

В год, когда Ханна вошла в секту, всем новым adeptам давали музыкальные имена. Ее назвали Гармонией, другие девушки стали Глиссандой и Виваче. Ханне очень нравилось новое имя. Женщина считала, что оно дает возможность нежно и мирно ладить со всеми окружающими.

В тот год секте понадобился абонентский почтовый ящик.

Задание его организовать возложили на Ханну.

Она ненавидела любую работу.

Хотела, чтобы ее выполняли другие.

Пусть они делают!

Но руководство настаивало, чтобы Ханна заплатила за год вперед за пользование абонентским ящиком, который должна была открыть на фиктивное имя.

Но для этого необходимо иметь настоящие документы (в типичном американском обществе всегда хотели установить личность человека по фотографии и цифрам номера социального страхования).

Ханне надо было добыть чужие документы, по которым она бы выполнила задание.

Гуру сообщил, что, пока женщина ему подчиняется, с ней не может произойти ничего плохого, но та все равно боялась. А вдруг поймают?

Каждый вечер гуру спрашивал, выполнила ли она задание, и каждый вечер та отвечала отрицательно. Тогда ее наказывали и не разрешали сидеть со всеми.

Сидеть одной! Это было самым страшным наказанием.

Гуру кричал: «Гармония! Укради кошелек! Ты не настолько красивая, чтобы тебя могли запомнить, не насколько выделяешься, чтобы на тебя обратили внимание, и недостаточно самобытна, чтобы показаться кому-то интересной. Никто тебя не заметит! Да и никогда в жизни не замечал!»

И все смеялись.

«Это неправда! – думала она. – Меня замечают! Я – их друг. Они любят меня».

На следующий день Ханна заставила себя выйти прогуливаться по кампусу расположенного поблизости колледжа. Она ходила за девушками с длинными светлыми волосами, как у нее самой. На одной были настолько облегающие джинсы, что в карманы явно ничего бы не поместилось. Наверное, все ценности лежат в маленьком рюкзачке. Девушка зашла в туалет. Ханна увидела, что над дверью на мгновение появились пальцы посетительницы, которая повесила рюкзак на крючок на внутренней стороне двери. Ханна дождалась, пока девушка присядет, после чего протянула руку и сняла рюкзак с крючка. Его владелица завизжала.

Ханна выскочила из туалета в коридор и вынула кошелек. Проходя через студенческий центр, она положила рюкзачок на стул и вышла на улицу. Идя по газону, женщина достала водительские права и деньги, а кошелек выбросила в мусорный бачок.

Гуру оказался совершенно прав: никто не обратил внимания.

И это к лучшему.

На почте она показала водительские права Тиффани Спратт, заплатила деньги и получила ключ от абонентского ящика. Ей не терпелось рассказать остальным членам группы, как здорово она выполнила задание. Ханна положила ключ в карман джинсов и подошла к гуру.

– По поводу абонентского ящика... – робко произнесла она.

– Я просил об этом на прошлой неделе! У нас уже есть ящик. Отойди и не мешай, – ответил тот.

Гуру даже не узнал, что все сделано. Ханна так и не отдала ему ключ.

Все это – вина родителей. Они ее избаловали: покупали вещи, помогали, а вот сейчас, когда надо помочь группе соратников, она облажалась.

Спустя несколько лет, стоя в гостиной родителей и слушая, как ее мать поет маленькой девочке, Ханна вспомнила о том ключе, который не выбросила, а сохранила. Она все эти годы платила за абонентский почтовый ящик. Гуру призывал верить в судьбу, и есть вещи, которым суждено сбыться. У нее был абонентский ящик, и ей суждено им воспользоваться.

Надо ехать дальше, но не хотелось уезжать без денег. Ханна отозвала в сторону отца:

– Вырастите и воспитайте Дженни. Я не могу этим заниматься. У меня есть почтовый абонентский ящик в Боулдере, штат Колорадо. Просто отправляйте деньги.

Она увидела, как обрадовался отец. Ему была нужна не его собственная дочь, а та маленькая девочка. И папа был готов заплатить за внучку.

Ханна внутренне ликовала.

«Их обязательно поймут, – подумала она. – Буквально через пару дней. Они окажутся в тюрьме. Ну и прекрасно! За то, что исковеркали мне жизнь, заслужили».

Отец дал ей много наличных, и женщина уехала. Она бросила ворованный автомобиль и пересела на автобус, приняла транквилизаторы. Ей не нравилось ни слишком возбужденное состояние, ни слишком депрессивное. Все должно быть ровно и спокойно.

Через пару часов Ханна уже позабыла о маленькой девочке.

III

Кальвин Винасетт не сдавался.

Он не только написал второе письмо, но и раздобыл имейл. Дженни не особо часто им пользовалась. В принципе электронное письмо от незнакомого человека большой погоды не делало в компьютере, но почта открывалась и на телефоне.

В каждом письме был написан его мобильный номер.

У нее появилось чувство, что телефон заражен.

Когда Дженни общалась с братьями и сестрой, у нее складывалось ощущение, будто Стивен, Брендан, Брайан и Джоди ждали, когда она примет какое-либо решение. Автор, судя по всему, не знал о существовании Сары-Шарлотты и ее школьных друзей и с ними не связывался. В противном случае они бы сообщили.

Майкл надоедал девушке вопросами, почему та не пользуется Facebook.

– Перестань, Майкл. Если тебе нравится красоваться там с хорошо причесанным и привлекательным профилем, совершенно не значит, что и другие хотят тратить на это время.

Он моментально пошел на попятную.

– Да, ты права. Я постоянно думаю, что мне постить, а что – нет. Я действительно создаю в Сети образ, который отличается от реального человека.

Она была рада услышать подобное признание.

«Шесть недель, – говорила Дженни себе. – Мы знакомы всего шесть недель. Для меня они были очень аккуратными. Я не торопилась поведать свою историю».

Но Майклу ее скрытность совсем не нравилась. Улыбка была натянутой.

«Ему начинает надоедать, – догадывалась она. – Придется делать больше того, что он хочет, и меньше того, что хочется мне».

Учебный год подходил к концу.

Была середина мая, приближались последние экзамены. Майкл был раздражен тем, что Дженни настаивала на занятиях в одиночку.

– В письме с просьбой принять меня в колледж я обещала, что буду хорошо учиться, – объясняла девушка. – В трех семестрах у меня получилось, и в этом я собираюсь получить отличные оценки.

– Я тебя умоляю! – посмеялся он. – Преподаватели не читали твоего сочинения. Они не знают, что ты обещала. И я хочу заниматься с тобой.

– Ты сильно меня отвлекаешь, – сказала она.

Это был, конечно, комплимент, но он Майклу не очень понравился. Парень отправился в город на собеседование, а она пыталась вспомнить, почему именно хотела заниматься одна.

Предпоследний экзамен был в пятницу утром. Последний должен был быть в следующий вторник. Впереди три выходных.

Экзамен оказался гораздо легче, чем она ожидала. После Дженни вышла из аудитории. Заходить в общежитие, чтобы взять вещи, смысла не было, потому что у матери в Коннектикуте было все необходимое. Девушка села на автобус, проехала Центральный парк, пересела на метро и добралась до Центрального железнодорожного вокзала, где купила билет до дома. И потом набрала матери.

– Привет. Я буду на станции в половине двенадцатого.

– Прекрасно, дорогая, я очень рада. Мне кажется, Фрэнк чувствует, что ты приедешь. Он все утро улыбается.

– Поцелуй его за меня, – попросила Дженни.

Ей очень нравился Центральный вокзал. Она медленно, словно турист, прошла по огромному залу, вышла на платформу и нашла свой поезд. Девушка любила сидеть у окна лицом

в сторону движения. В вагоне было не так много людей – столпотворение должно начаться только после обеда, когда народ будет возвращаться с работы в пригороды. Дженни нашла чистый и не очень людный вагон, в котором никто не орал по телефону и не пахло едой, села и достала электронную «читалку». Она дошла до шестой главы какого-то исторического романа, который посоветовала Ева. Это было очередное сочинение про Генриха VIII и его жен. Дженни книга не особо нравилась. До того, как очередной жене короля отрубят голову, оставалось еще, наверное, глав десять, а само описание казни будет наверняка очень подробным.

Поезд тронулся.

Она держала в руке билет, хотя знала, что кондуктор появится не скоро. Поезд сделал остановку на 125-й улице, после чего должен был без остановок проследовать до Гринвича.

Дженни смотрела в окно.

Каждый раз на выезде из города ее охватывало чувство волнения, словно она покидала безопасную зону и переходила туда, где может произойти все что угодно.

И на этот раз действительно произошло нечто непредсказуемое.

Рядом сел Майкл.

Она так удивилась, что забыла о вежливости.

– Ты что здесь делаешь?!

Он поцеловал ее в щеку, положил руку на плечо и уселся поудобнее и поближе.

Его появление не обрадовало девушку. Ей было неприятно, что Майкл нарушает ее личные границы.

«Он тебя покупает», – твердила подруга.

Однако Дженни постаралась избавиться от негативных чувств.

– Как ты меня нашел?

– Ева сказала, что ты едешь в Коннектикут. И я тоже решил поехать.

Соседка по комнате уже два дня как сдала экзамены и уехала из города. Даже если бы Майкл написал ей, та не могла знать планов подруги.

Дженни пристально посмотрела ему в глаза.

– Ну, хорошо, – наконец признался он. – Ева тут ни при чем. Я тебя выследил. Не злись только. Я люблю тебя, Джейн. Мы уже три дня не виделись, и ты не отвечала на сообщения.

Опыт прошлых лет подсказывал, что надо всегда быть начеку и ко всему относиться с недоверием. Но девушка решила расслабиться и прислонилась к его плечу.

– Так куда направляешься? – поинтересовался он. – Едешь к родителям или у меня появился соперник, о котором я не подозреваю?

Единственным потенциальным соперником был Рив, но он был очень далеко, словно в другом мире. Майкл же находился в этом.

Она сделала глубокий вдох, как перед прыжком в воду. Видимо, пришло время кое-что ему рассказать.

– Я еду на обед с родителями. У моего отца несколько лет назад случился инсульт. Он прикован к инвалидной коляске. В хорошие дни узнает меня, в плохие – нет.

– Это ужасно, – произнес Майкл. – Мне очень жаль. Он, наверное, еще относительно молод.

– Нет, они уже в летах. – Дженни была не готова говорить на самую важную тему всей жизни и принялась описывать подробности, не имеющие прямого отношения к основной драме: – Раньше у нас был прекрасный дом, но отец теперь не в состоянии подняться по лестнице на второй этаж. Даже после того, как мама перестроила ванную на первом этаже, ей все равно было трудно ухаживать за ним, поэтому летом перед первым курсом...

– До того, как мы встретились, – уточнил Майкл, словно это был период до нашей эры.

– Ну да. Грустные времена. – Девушка плотнее прижалась к его груди. Ей казалось, что рядом с ним можно чувствовать себя в безопасности.

«Безопасность... – размышляла она. – Я часто использую это слово. Помнится, как я чувствовала себя в безопасности в школе. И вот сейчас сижу рядом со своим парнем и не ощущаю в этом никакой романтики. Я просто чувствую себя в безопасности».

– В общем, – продолжала она, – деньги у родителей кончились. Дом перекрасили внутри и снаружи, и я занялась продажей. Показывала потенциальным покупателям, разместила объявление о продаже в Сети... В конце концов мы его продали, денег хватило, чтобы поместить отца в учреждение с проживанием и уходом. Он может теперь жить только там, но маме, конечно, не очень удобно. Зато проще присматривать за папой, потому что там для этого специальный персонал. С другой стороны, она теперь далеко от старых подруг и коллег и не может заниматься тем, что ей раньше нравилось. Но она очень сильная женщина.

– Ты наверняка им очень помогаешь, – сказал Майкл. – Я хотел бы с ними познакомиться.

– Не думаю, что это лучшая идея, – возразила Дженни. – Мои родители – не самая интересная компания для общения.

– Ну, может, я их немного развеселю, – предложил он. – Может, они порадуются появлению нового человека.

На ее глаза навернулись слезы. Майкл общительный и способен разговорить любого. Маме будет приятно увидеть, что в жизни дочери появился взрослый человек, на которого можно положиться. Миранда никогда не говорила о семье из Нью-Джерси, поэтому вряд ли сейчас проговорится, следовательно, не придется объяснять, почему она сохранила в тайне важные стороны своей жизни.

– Мне сложно знакомить вас, – призналась она. – Я немного боюсь. Сейчас не лучшее время для этого, и я хотела бы больше времени уделить учебе.

– Перестань! Ты говоришь, как настоящая студентка. И кстати, по поводу колледжа у меня вопрос: учеба стоит уйму денег, а ты упомянула, что родители обеднели. Кто же платит? У тебя стипендия?

– Нет. Бабушка завещала мне деньги на оплату колледжа. Я бы с радостью отдала все родителям, если бы могла. Но они лежат в специальном фонде, и я могу их тратить только на образование. Точнее, деньги из фонда напрямую идут на оплату образования.

– Это бабушка по маме? – уточнил Майкл.

– Да.

Бабушка Барнетт была одной из немногих, кто знал, что Ханна появилась в доме ее дочери, чтобы оставить им на воспитание малышку. Бабушка одобрила план изменения фамилии семьи с Джейвенсен на Джонсон. Она считала Дженни настоящей правнучкой и умерла до того, как выяснилось, что девочка была украдена.

Иногда Дженни задумывалась, решила бы бабушка оставить деньги на образование той, зная, что она неродная внучка. От этих мыслей всегда становилось тоскливо.

Они обедали в отдельном зале.

Майкл вел себя как настоящий джентльмен. Он помог отцу Дженни с инвалидным креслом и поддерживал его стакан, когда тот пил; сделал комплимент внешнему виду Миранды. Та прямо расцвела от внимания. Фрэнк улыбался улыбкой, которая казалась Дженни искренней и свидетельствовала, что он все понимает и одобряет ее выбор.

Майкл всех несколько раз сфотографировал.

– Надо задокументировать встречу. Мы ее надолго запоем, – объяснил он.

Сердце Дженни сжалось от плохого предчувствия.

Несмотря на то что на всех смартфонах были камеры, у нее до сих пор не было ни одной фотографии Майкла. Обычно она много фотографировала и отправляла снимки Саре-Шарлотте или кому-нибудь еще. Но до сих пор не рассказала подруге о парне, хотя при этом многое рассказывала ему о ней. Более того, Майкл часто читал ехидные СМС, которые Сара-Шарлотта отправляла Дженни. Девушка подумала, что эту ошибку надо немедленно исправить.

Пока Майкл смеялся и что-то рассказывал ее матери, Дженни быстро сфотографировала его в профиль. Фотография получилась четкая и красивая, и она тут же отправила ее Саре-Шарлотте с текстом: «Это парень, которого я люблю. Скоро расскажу тебе о нем подробнее». Она последние шесть недель хотела написать подруге такое сообщение.

Перед десертом Дженни с мамой вышли в женский туалет, а Майкл отвез Фрэнка в мужской. Это произошло совершенно естественно, без просьб или напоминаний.

– Мне кажется, он замечательный человек, – сказала Миранда. – Хотя я все еще вспоминаю и в душе скучаю по Риву.

– Я тоже, – призналась Дженни. На самом деле ей даже показалось, что его отражение в зеркале появилось рядом с ее.

«Я его все еще люблю? – спросила она саму себя. – Да. Но достаточно ли сильно?»

Когда они вернулись к столу, Майкл с Фрэнком разговаривали. Дженни и Миранда обменялись обнадеживающими взглядами. Когда мужчина чувствовал себя хорошо, он мог произнести целое предложение.

– Барнетт, – произнес отец.

– Бог ты мой, – удивилась Миранда. – Почему вы вдруг говорите о моей матери?

– Просто поинтересовался вашей семьей, – с улыбкой ответил Майкл.

Женщина улыбнулась в ответ.

– Плата за обучение в колледже, – хрипло сказал отец.

Дженни была рада, что Фрэнк произнес целое предложение. Она обошла стул Майкла, чтобы сесть за стол.

Парень держал мобильный телефон в руке. На экране виднелась фотография Фрэнка, которую он сделал в туалете: одежда сидела неряшливо, волосы были всклокочены, пораженная инсультом половина лица выглядела потухшей и мертвой.

Она уже хотела открыть рот, чтобы сказать: «Немедленно удали! Если хочешь сделать фотографию, сделай хорошую!» – но остановилась, увидев, что тот собирается сделать.

Майкл искал контакт, на который планировал отправить этот омерзительный снимок.

Дженни всегда легко запоминала цифры. Это был номер Кальвина Винесетта. Унизительная фотография предназначалась для книги.

Всего несколькими часами ранее в вагоне поезда Майкл сказал правду.

«Он ее выследил».

И с самого начала отслеживал.

С самого первого пончика, который принес.

Ева это почувствовала: «Он тебя покупает».

Платил за все Кальвин Винесетт.

В Бостоне, где училась Сара-Шарлотта, зима выдалась холодной, снежной и длинной.

Но в один из дней на прошлой неделе погода была просто замечательная. Почти летняя. Вместе с несколькими однокурсниками и одним аспирантом – приятелем кого-то из ее знакомых студентов – девушка сидела на открытой веранде кафе. Она наслаждалась теплом. Как приятно находиться на улице без теплого пальто, шапки, перчаток, шарфа и тяжелых зимних ботинок. Сара-Шарлотта поудобнее устроилась в кресле и грелась на солнце, словно кошка.

Один из парней показал рукой на аспиранта и сказал:

– Я тут Мику рассказывал, что ты близко дружила с Дженни Джонсон, девочкой, которую украли.

– Да, это старая история, – заметила та, сделав глоток латте с карамелью.

– Не скажи, – ответил человек по имени Мик. – Она всего несколько лет назад узнала себя по фотографии на пакете молока. История весьма странная. Скажи, а ты была с ней, когда это произошло?

Сара-Шарлотта почувствовала, что всем интересно узнать про это старое преступление. Видимо, придется кое-что рассказать, чтобы отстали, а не прыгали вокруг, как надоедливые тойтерьеры.

– Мы все тогда с ней были, – ответила она. – Как всегда на обеде. Каждый день одна и та же компания. Дженни взяла со стола пакет молока, помахала им в воздухе и сказала: «Видите фотографию пропавшего ребенка? Это – я». Все посмеялись. Доели. Вернулись в класс. А через несколько месяцев оказалось, что она тогда не шутила.

Сара-Шарлотта много десятков раз рассказывала эту историю, и каждый раз она ее немного пугала. Девушка выпрямила спину, словно собиралась противостоять какой-то невидимой силе.

– Я тут думаю по поводу родителей похитительницы, которые воспитали Дженни, – произнес Мик. – Мать и отец, мистер и миссис Джейвенсен. Они дистанцировались от настоящей дочери Ханны, которой сейчас, наверное, уже за тридцать.

Сара-Шарлотта надела солнечные очки, чтобы отделить себя от истории, которую рассказывала и которую этот Мик совершенно не мог понять.

– Эта Ханна живет в группе каких-то кретинов, точнее, в религиозной секте. Полные отщепенцы, асоциальные типы. От них можно чего угодно ожидать: могут начать травить людей отравляющим газом, торговать наркотиками или заниматься проституцией. Ханна не общается с родителями и утверждает, что ненавидит их. Но в один прекрасный день после многих лет забвения она появляется на пороге с трехлетней девочкой и утверждает, что это ее дочь и их внучка.

Сара-Шарлотта всегда с большим уважением и любовью относилась к мистеру и миссис Джонсон. Ей нравилось проводить время в их доме. После инцидента с пакетом молока миссис Джонсон похудела и поседела, а у мистера Джонсона случился инсульт, от которого он чуть не умер.

Много людей пострадали от поступка Ханны.

Иногда девушка и себя причисляла к ним, потому что Дженни в свое время не призналась ей в своей страшной догадке («Люди, которых я называю мамой и папой, могли меня похитить»). Сара-Шарлотта часто задумывалась, действительно ли они лучшие подруги. Сейчас обе в колледже, и то, что Дженни не так часто делилась с ней своими сомнениями и мыслями по поводу похищения, было не так обидно. Но осадок все-таки остался. Сара-Шарлотте казалось, что часть их дружбы была покрыта неприятной, темной тенью.

Мик говорил громко, привлекая всеобщее внимание, к его словам прислуживались люди, сидевшие за соседними столиками. Было очевидно, что ему нравилось внимание.

– Удивительно, что родители Ханны ей поверили! – вещал Мик. – Она оставляет им ребенка и на следующий день уезжает в неизвестном направлении. И что же делают родители? Тоже исчезают! Они меняют фамилию с Джейвенсен на Джонсон. Это, пожалуй, самая распространенная фамилия в Америке. Есть миллионы людей, которые ее носят. И супруги растят Дженни, как собственную дочь. Я совершенно уверен, что они являются соучастниками похищения. Супругам просто хотелось получить нового ребенка, поэтому они договорились со своей дочерью Ханной, что та украдет им девочку из торгового центра. И все это сошло им с рук. При этом супруги Джейвенсен ни дня не провели в тюрьме. Я считаю, это неправильно. Серьезный недосмотр со стороны правосудия.

Сара-Шарлотта так разозлилась, что хотелось пинать его ногами. Да как он смеет устраивать шоу из трагедии Дженни? Как он смеет, ничего не зная, высказывать какие-то дурацкие предположения?

– Их не судили, – резко произнесла она, – потому что всем было понятно, что мистер и миссис Джейвенсен понятия не имели, что сделала их дочь. Если бы знали или хотя бы подозревали, что ребенка украли и у него есть семья, то сами позвонили бы в полицию. Им

было понятно: Ханна не сможет быть нормальной матерью. Единственный хороший поступок, который совершила эта женщина: отвезла малышку к своим родителям, которые заботились о девочке и ее любили. И фамилию они поменяли не потому, что хотели спрятаться от закона, который мог бы их преследовать за похищение, о котором они и понятия не имели, а чтобы спрятаться от Ханны. Она была плохим человеком, водилась с плохими людьми и совершала плохие поступки. Ханна была совершенно отвратительным, омерзительным и подлым человеком! Потому что украсть ребенка – это подло!

Девушка почувствовала, что кричит.

Люди смотрели на нее с большим удивлением.

Слово «подло» эхом пронеслось по веранде кафе.

Никто из сидевших за ее столом не поднимал взгляда.

Сара-Шарлотта встала. В холодный день на ней было бы пальто, в котором она могла бы чувствовать себя защищенной от таких типов, как Мик.

И направилась к выходу.

Мик пошел следом за ней.

– Сара-Шарлотта?

Девушка никак не отреагировала.

– Прости. Я не хотел тебя обидеть или задеть. Извини, что повел себя некорректно. Могу ли я как-то загладить вину? Может, ты сможешь объяснить мне, как все было на самом деле?

Он был выше ростом и наклонился, засовывая свою физиономию прямо ей в лицо. От него пахло горьким кофе. У нее вдруг возникло необъяснимое чувство страха, хотя она находилась на людной улице, а рядом в кафе сидели ее приятели.

– Я тороплюсь, – пробормотала девушка, подбежала к автобусной остановке и села не глядя в первый попавшийся автобус. Когда увидела, что Мик не вошел вместе с ней, вздохнула с облегчением и чувством смущения от того, что переволновалась.

Этот инцидент был очередной историей, которой Сара-Шарлотта не поделилась с Дженни. Она также не упомянула о письме от писателя Кальвина Винесетта, который отследил всех знакомых подруги. По крайней мере, трое из одноклассниц получили от этого настырного автора письма с просьбой оказать помощь в написании книги.

Студенты, с которыми Сара-Шарлотта рассталась в кафе, не были ее друзьями. Они были всего лишь приятелями, с которыми она встречалась на лекциях и семинарах. После окончания колледжа вряд ли общение продолжится.

Бостон – огромный город. Рив Шилдс оканчивал колледж тут, но в другом вузе, поэтому Сара-Шарлотта ни разу с ним не виделась. Она с трудом верила, что Дженни действительно хотела бросить парня.

Рив был мечтой любой девушки. Если подруга поступит подобным образом, он окажется свободным. Обычно Сара-Шарлотта старалась не мечтать о том, что Рив начнет за ней ухаживать. Но иногда все-таки не могла удержаться.

В течение дня она периодически заходила на Facebook. У того было огромное количество друзей. Пожалуй, больше только у ее школьной подруги Адаир. Рив поддерживал связь со всеми знакомыми по школе и колледжу, активно размещал информацию на своей странице.

Несмотря на то что Дженни была любовью его жизни, в ленте Рива не было ее фотографии. Он, судя по всему, уважал приватность.

«Почему ты до сих пор не можешь его простить? – подумала Сара-Шарлотта, словно обращаясь к Дженни. – Прошло столько лет! Рив тебя любит! Не теряй его!»

Девушка вышла из автобуса, в который ей вообще не было никакой необходимости садиться. Сара-Шарлотта позабыла, почему и зачем в него вошла. О существовании человека по имени Мик она уже и не думала.

Дженни выхватила мобильный из рук Майкла до того, как тот успел отправить фотографию, села на свой стул и удалила из телефона все фотографии отца. Потом все фотографии себя и своей семьи и положила аппарат в свою сумку. Она даже не посмотрела в сторону Майкла, стараясь сдержаться и не заплакать.

Ведь она успела влюбиться.

А парень оказался пешкой Кальвина Винесетта.

Он начал работать на него, когда уже встречался с Дженни, или подошел и познакомился с ней около каменной стены только потому, что его нанял автор?

Может, этот Майкл и есть Кальвин Винесетт?!

«Нет, вряд ли, – решила она. – Винесетт написал уже десяток бестселлеров, а Майкл слишком молод, чтобы иметь за плечами такие достижения».

Мама не обратила внимания на заминку с телефоном. Миранда Джонсон больше доверяла стационарной телефонной связи и считала, что молодое поколение слишком много времени уделяет своим гаджетам.

Тут уже на телефон Дженни пришло сообщение от Сары-Шарлотты, которой она только что отправляла фото Майкла. Всего несколько минут до этого девушка писала подруге, что его любит. Теперь ситуация кардинально изменилась.

Она подумала, что надо будет поговорить с ней: «Как хорошо, что у меня есть лучшая подруга. Человек, который всегда поддержит».

Сообщение было следующим: «Дженни, тут что-то явно не так. Я видела этого парня. Его зовут Мик. Очень мутный персонаж. Это подстава».

Принесли десерт, к которому Дженни не прикоснулась. У нее даже не было сил взять в руки вилку.

– Очень вкусно! – расхваливал блюдо Майкл. – Шоколадный пудинг со сливками? Да я готов здесь навеки поселиться!

Миранда рассмеялась.

– Боюсь, здесь тебе не очень понравится, – произнесла она. – В последнее время в этом доме очень тоскливо. Я сама тут страдаю. И шоколадный пудинг со сливками ситуацию мало меняет.

Обед подошел к концу.

Один из сотрудников медучреждения пришел, чтобы вернуть Фрэнка в палату. Дженни, Миранда и Майкл направились к машине.

– Садись вперед, – сказала девушка, и тот послушно сел на место рядом с водителем. Дженни расположилась сзади и всю дорогу до железнодорожной станции слушала, как Миранда и Майкл радостно болтали.

Она смотрела парню в затылок.

Интересно, как Сара-Шарлотта умудрилась с ним встретиться?

Может, Майкл выслеживал не только ее саму, но и подруг?

Он мог стать для нее самым важным человеком после Рива. «До Майкла» и «после Рива» казалось какой-то пропастью над обрывом, в который ее мог столкнуть Майкл.

Она действительно оказалась на краю. Но вовремя спохватилась.

Миранда высадила их у железнодорожной станции Стамфорд. Ребята стояли на пустой платформе, на которую прибывали поезда в сторону Нью-Йорка.

– Верни телефон, – попросил Майкл.

Она отдала.

– В чем дело, Джейн? Мы прекрасно провели время. Мне твои родители очень понравились.

– Ты работаешь на Кальвина Винесетта, – холодно произнесла девушка, – Ты сделал совершенно омерзительную фотографию моего отца для его паршивой книжонки.

Он отступил на шаг. Предусмотрительно не к путям, а в противоположную сторону. Однако ей захотелось столкнуть Майкла туда и посмотреть, как его переедет поезд.

– Ты о чем? Не знаю никакого Кальвина Винесетта! – грубо ответил парень.

– Думаешь, я не в состоянии узнать телефонный номер, который он оставляет во всех своих письмах? Ты сделал фото специально для его книги.

Майкл огляделся по сторонам, словно кто-то мог подсказать, как себя вести.

– Послушай... – начал было он.

– Я удалила свой номер из твоих контактов. Ты с самого начала знал, что я – Дженни Джонсон, та, которая узнала свое фото на пакете молока. Тебя нанял Кальвин, чтобы ты выудил у меня всю нужную информацию.

Его бравада исчезла. Парень явно не знал, что сказать. Даже когда девушка отняла у него телефон, он не понял, что та в курсе их связи с Кальвином. Майклу просто показалось, что Дженни не понравилась фотография. Он не смотрел ей в глаза.

– Ладно, частично это так. Но я действительно тебя полюбил. Я не сказал всей правды, но и ты мне о себе ничего не рассказала. Я что-то недоговаривал, а ты вообще молчала, как партизан. Я приносил тебе подарки, мы гуляли...

– Он тебе за это платил, верно?

Его взгляд был полон едкой ненависти.

– Ты знаешь, что я хочу стать писателем. Пока успехов на этом поприще у меня немного. Я увидел объявление и ответил. Один автор пишет книгу о похищении ребенка, и почти никто из членов семьи жертвы и ее друзей не хочет с ним говорить. Ему нужна была помощь, а мне – деньги. И он был готов неплохо заплатить.

«Я бросила Рива, – подумала она. – Он извинялся и сто раз умолял его простить. И ради чего? Ради этого ублюдка, который за деньги делает вид, что влюблен? Человека, который готов меня предать за несколько страниц текста? И даже не собирается попросить прощения!»

– Пришел твоей поезд, – сказала она.

– Но, Джейн...

– Садись в вагон, Мик.

Тот нахмурился.

– И за Сарой-Шарлоттой больше не следи.

– Джейн, послушай...

Но девушка не собиралась и дальше слушать его оправдания, она встала на эскалатор, ведущий на верхний уровень станции. И даже не обернулась.

«А я влюбилась, – с горечью подумала она. – Как дальше жить, если я совершенно не разбираюсь в людях и не понимаю мотивов их поступков? Когда мне было три года, я в людях не разбиралась, сейчас мне двадцать – и ничего не изменилось».

Она встала перед расписанием поездов и посмотрела, когда прибудет следующий.

Ей не хотелось никуда ехать. Хотелось упасть на перрон и заплакать. Хотелось избить этого Майкла / Мика. И еще хотелось попросить его объяснить, как так получилось, что он ее любит, хотя шпионил за ней и брал деньги за информацию, которую от нее получал.

Внезапно зазвонил телефон. Она поставила разную музыку на звонки разных людей, чтобы заранее понимать, бить трубку или нет.

Это был Рив.

Где-то в глубине души она хотела, чтобы перезвонил Майкл и начал умолять ее передумать. Но если бы он хотел помириться, то поднялся бы следом за ней.

Буквально час назад она задавала себе вопрос, любит ли Рива. И тогда решила, что любит, но недостаточно сильно. Дженни посмотрела на высветившуюся на экране фотографию и подумала:

«Вот Рив меня любит. Я обошлась с ним грубо, я не простила, а он все равно любит меня».

И вдруг осознала, что голос Рива на радио ничего не значил. Он был любовью всей ее жизни. Он не задабривал ее мелкими подарками, вроде пончика или цветочка. Он верил ей. Он был как каменная стена, за которой можно было спрятаться. Она ответила на звонок.

– Рив?

– Мне звонила Сара-Шарлотта, – быстро заговорил он. – Что происходит? Кто этот парень? Ты в порядке? Мне надо кого-то убить?

«О боже, – подумала она, – Рив! Ты всегда был моей опорой в непростые времена. И сейчас снова могу на тебя положиться».

– Пожалуйста, продолжай говорить, – произнесла она в трубку. – Мне надо слышать твой голос.

Полились слезы, которые она так долго сдерживала. Она повернула телефон микрофоном от себя, чтобы Рив не слышал, как она плачет, а лицо закрыла локтем, чтобы ее лица не видели окружающие.

– Какой-то козел за тобой ухаживал, чтобы разнюхать информацию для писаки? – кричал Рив. – И он пользуется двумя именами: Майкл для тебя и Мик для Сары-Шарлотты?

– Ты знал, что планируется книга? – тихо спросила она.

– Да все об этом знают. Мы все получили письма. И все знали, что ты не хотела бы, чтобы кто-то с ним сотрудничал. Никто этого и не делал.

Тут она вспомнила слова Майкла, что не все члены семьи захотели сотрудничать. Значит, кто-то все-таки согласился.

– Ты где? – спросил Рив.

– На железнодорожной станции. Я не знаю, что делать дальше. Сначала ты меня предал, потом я влюбилась, и вот теперь меня снова предали.

– Дженни, перестань. Не будем сейчас вспоминать о самой большой ошибке, которую я сделал в жизни. Мне казалось, ты меня вроде бы простила. Слушай, садись на самолет и прилетай ко мне. На выходные.

– Не могу.

– Можешь! Я уже у компа и покупаю тебе билет. Ты находишься совсем рядом с местом, где тебя подберет лимузин, чтобы доставить в аэропорт. Езжай к нему на такси или просто дойди пешком. Лимузин я закажу. Так... есть рейс в семь сорок из аэропорта Кеннеди в Шарлотт. Я взял тебе место у прохода.

– Но у меня даже зубной щетки нет!

– Ты летишь в Шарлотт, штат Северная Каролина. Это все-таки не Антарктида. Здесь есть магазины. Единственное, что тебе нужно, это удостоверение личности, чтобы тебя пустили в самолет. Ты уже идешь к лимузину? Давай поторапливайся.

– Зачем ты хочешь, чтобы я приехала?

– Потому что я тебя люблю. Всегда любил и буду любить.

Дженни подошла к остановке такси.

– Не отключайся, – попросила она.

– Не буду.

– Рив, я не поеду на лимузине.

– Дженни, я тебя умоляю! Я не хочу, чтобы ты без меня плакала.

– Я прилечу, но не хочу ехать на лимузине – он слишком медленный. Я поеду на такси. У меня есть деньги.

Тут ее осенило: почему она не обратила внимания на то, что, когда была с Майклом, постоянно пыталась стать другим человеком? Человеком, чья душа не пострадала от ужасной трагедии?

Девушка села в такси.

– В аэропорт Джона Кеннеди, – сказала она и, чтобы уверить водителя, что у нее есть деньги, показала их.

– Дженни, приезжай быстрее, – попросил Рив.

– Тебе не придется долго ждать, – заверила она.

Дженни распустила волосы. Больше никаких глупых заколок и резинок. Потом сняла купленные в аптеке очки. Два года она скрывала настоящую Дженни Джонсон. Девушка помотала головой, и волосы распушились. После сделала селфи и написала:

«Хо-хо-хо, Дженни».

Четвертый элемент пазла похитительницы

После событий в Нью-Джерси и Коннектикуте женщина, которую раньше звали Ханной, металась с одного места на другое, пытаясь найти бывших членов секты. Но многие переехали, и найти их оказалось невозможно. Некоторое время ездила на поезде. Ей нравилось смотреть в окно, и она была бы не против кататься так всю жизнь. Главное – чтобы кто-то вел.

Но путешествие закончилось, и Ханна оказалась на Восточном побережье. Тот день, когда она похитила девочку в Нью-Джерси, казался таким же далеким, как начальная школа.

В Калифорнии погода была лучше, но одиночество ощущалось острее.

Как люди находили друзей, тех, с кем ели, общались и смеялись?

Неважно.

Отец отправлял деньги на абонентский ящик Тиффани Спратт. В Боулдере Ханна будет не единственной, кто катается на лыжах, бродит по горам, посещает пару занятий в неделю и получает деньги, которые ей присылают издалека. Правда, она не планировала кататься на лыжах, бродить по горам и посещать занятия. Так чем же заниматься? У нее теперь есть деньги, поэтому можно что-нибудь придумать.

Ханна поехала в Колорадо, поближе к абонентскому ящику.

Он словно якорь привязал ее к миру. В ящике скапливалась масса разной бесполезной корреспонденции: реклама, письма с просьбой оказать денежную помощь, бесплатные газеты и даже кредитные карты. Правда, все они не работали. Женщина внимательно просматривала письма в поисках единственного нужного.

А вот и чек.

Конверт был помятым, но внутри была заветная бумажка.

Она направилась в банк и показала водительские права Тиффани Спратт.

Но денег не выдали.

В конце концов пришлось открыть счет и некоторое время ждать, что его одобряют. Только после этого она смогла получить наличные. Сотрудники банка настояли на том, чтобы она оставила часть денег на счете. Кроме того, банк брал определенную комиссию за их выдачу.

Какая мерзкая система эксплуатации!

Потом Ханна поняла, что денег, которые выплачивает Фрэнк, недостаточно для нормальной жизни.

Их было очень мало, даже чтобы жить бедно!

Фрэнк наверняка тратил массу денег на ту девочку. А кто будет оплачивать ее счета? Работать – точно не выход. Она не может работать, она слишком хрупкая.

Перед отъездом из Коннектикута женщина заставила себя обнять и поцеловать маленькую девочку, как делают настоящие матери. Садясь в угнанный автомобиль, Ханна услышала слова Миранды:

– Фрэнк, надо ехать в магазин. Нужны пижама, пластиковый стаканчик и детское кресло для автомобиля...

Родители тратили деньги на какую-то неизвестную девочку, а ей давали очень мало, хотя именно Ханна была их настоящей дочерью!

Она ненавидела мать и отца и часто размышляла, нашла ли их полиция, посадили ли в тюрьму за кражу ребенка. Потом до нее дошло, что, если те окажутся в тюрьме, она перестанет получать деньги.

Но с другой стороны, если их посадят, может, вообще все деньги достанутся ей?

Однако Ханна не читала газет и не смотрела новости, поэтому не знала, как сложилась судьба родителей.

У нее не было никакого желания с ними общаться, но выхода не оказалось, единственным способом связи с Мирандой и Фрэнком был телефон. Она решила набрать из автомата в фойе студенческого общежития.

Если полиция не арестовала родителей, она потребует деньги, угрожая, что заберет девочку.

А если их посадили в тюрьму, никто все равно не сможет ее найти – звонила она из автомата, которым могли пользоваться сотни людей.

Женщина положила монеты в щель монетоприемника и набрала номер, который, как ни странно, помнила, несмотря на то, что прошло так много лет. Но телефон Миранды и Фрэнка Джейвенсен был отключен.

IV

Самым успешным членом семьи Спринг (и одновременно тем, кого остальные любили меньше всего) был Брендан. В первую очередь он думал о спорте, все остальное уходило на второй план. А точнее, думал не о спорте вообще, а о собственных успехах в нем. И мечтал, что ему предложат стипендию лучшие колледжи страны, оплатят авиабилеты, чтобы он мог осмотреть кампусы, будут носиться с ним, как с будущей знаменитостью в мире спорта. В школе Брендан не обращал никакого внимания на учебу. Его оценки были плохими, ну и что из того? Он станет звездой баскетбольных площадок.

Парень мечтал, что у него будут брать интервью на телевидении и представлять в виде новой легенды баскетбола. Он скромно потупит взор, но будет настолько известным, что бренд спортивной обуви назовет в честь него серию кроссовок.

Бойфренд пропавшей сестры Рив окончил колледж и получил хорошую работу на кабельном спортивном телевизионном канале ESPN. Брендан мечтал, что тот будет умолять его дать интервью их каналу. «Это поможет моей карьере», – так скажет Рив.

Когда в семье снова появилась Дженни, это не произвело на одного из близнецов никакого впечатления. Сестра не чувствовала себя счастливой и снова вернулась в семью родителей похитительницы. Эти события также остались для него практически незамеченными. Исчезнувшая и вновь появившаяся Джен Спринг была всего лишь своенравной девчонкой, из-за присутствия которой очередь в единственный туалет в доме только увеличилась. Она даже не хотела, чтобы ее называли настоящим именем, предпочитая «Дженни». Сестрица снова исчезла до того, как Брендан успел обратить внимание на ее появление. Мысленно он называл ее начальной буквой имени «Д».

Стивен, Джоди и Брайан начали навещать ее в Коннектикуте и даже подружились с «родителями» Мирандой и Фрэнком, а также с бойфрендом Ривом. Брендану же было совершенно не до них.

После ее появления семья Спринг смогла переехать из старого дома, чего до этого не делала, надеясь, что пропавшая девочка вспомнит адрес. Та действительно вспомнила и вернулась домой, но ей там не понравилось. Они переехали в более просторный дом, в котором у каждого была отдельная комната. Брендан наконец освободился от назойливого присутствия Брайана.

Больше всего в жизни он мечтал об успехе. Члены его семьи об этом догадывались, но данный вопрос никак не поднимали. Детей воспитывали так, чтобы те заботились и думали друг о друге. Но как только у близнецов появились отдельные спальни, Брендан перестал думать о Брайане. В любом случае парень считал брата лузером. Если бы тот был хотя бы компьютерным гением, занудство можно было бы ему простить. Но Брайан таковым не являлся. Он сидел и читал книжечки, до которых Брендану совершенно не было никакого дела. Например, об истории Средневековья. Брендан мечтал стать элитным спортсменом, а Брайан – о «читалке» с массой закачанных книг по истории.

Начался последний год обучения в школе. Брендан ждал, что его начнут приглашать в лучшие колледжи, где были хорошие баскетбольные команды. Но этого не произошло.

Он ждал, что ему предложат стипендию. Но и этого не случилось.

Ему не досталось места в колледже первого дивизиона NCAA – высшей ступени студенческого спорта в США.

А предложили никому не известный колледж, и Брендан на протяжении всего года усиленно делал вид, что попал в крутое место.

Когда мама сказала: «Ну а чего ты хотел? У тебя плохие оценки. Радуйся, что тебя вообще взяли в колледж», – он захотел уехать из семьи, чтобы больше никого из них не видеть.

Когда отец посоветовал: «Постарайся добиться успеха в том колледже, в который попал», – Брендан захотел его ударить.

Джоди усмехнулась: «Перестань уже быть ребенком», а старший брат Стивен произнес: «Жизнь несправедлива. Ты только это заметил?»

Тогда Брендан решил: «Зачем мне все эти так называемые родственники?»

Его близнец попал в тот колледж, в котором хотел учиться.

Парень с ненавистью думал: «Брайан едет в Гарвард, а я – черт-те знает куда. Наверное, он специально хочет меня унижить».

Но больше всего на свете Брендана бесили сочувствие и доброе отношение собственного брата-близнеца.

Некоторое время он размышлял, что стоит пойти в армию. В этом случае он, по крайней мере, избежит поступления в позорный колледж. Но тем летом Брендан находился в состоянии непривычной для него апатии. Такого раньше никогда не происходило. Обычно ему энергии было не занимать. Родители не обращали внимания на его состояние, мечтая о моменте, когда наконец дети разъедутся и можно будет заняться собственной жизнью. Они уже паковали чемоданы для Брайана и Брендана и радовались, что в доме периодически появляется Д. Его сумасшедшая сестра Джоди на год уезжала волонтером на Гаити. Ее поступком все гордились, ведь она целый год жизни посвятит помощи бедным и несчастным. Да кого волнуют все эти неудачники?

В августе Брендан оказался в отстойном колледже, окруженный отстойными студентами и отстойными тренерами. Один из них сообщил, что Брендан не выкладывается на полную. Поэтому спортивный сезон для него начался со скамейки запасных.

– Да я лучше всех! – закричал он.

– Ты мог бы быть лучше всех, – ответил тренер. – Но ты не лучший.

Брендан попытался найти друзей среди первокурсников. Все отнеслись к нему более чем прохладно. Сосед по комнате вообще практически не замечал.

Парень чувствовал себя неудачником, не мог избавиться от грустных мыслей и начал терять вес. Он не поддерживал связь с остальными членами семьи. Раньше родители присутствовали на всех матчах, в которых он участвовал, снимали игру на видео и делали фото. Это они виноваты, что его жизнь не удалась. Это их вина, что он попал в отстойный колледж.

Он по диагонали читал имейлы от родителей и перестал заходить на Facebook. У него не было никаких достижений, которыми хотелось бы поделиться. К февралю баскетбольная команда проиграла все игры и не попала в плей-офф. Он оказался лузером среди лузеров.

Все чаще и чаще, проснувшись утром, он не вылезал из кровати и снова засыпал. Приближался конец второго семестра. Однокурсники начали строить планы на лето. Ему не хотелось возвращаться в Нью-Джерси. Но выбора не было.

А потом пришло письмо от какого-то автора, который хотел написать книгу про похищение. Когда исчезла сестра, Брендан был маленьким и ничего не помнил, как и того, что происходило несколько лет после. Но это его не остановило.

– Я готов рассказать, – ответил он.

Стивен сидел перед монитором компьютера в Боулдере, штат Колорадо, изучая полный экран непрочитанных писем. Он не очень часто проверял электронный ящик, хотя имейлы рассылали преподаватели, а также именно этот способ связи предпочитали родители. Кальвин Винасетт прислал сообщение.

Оно начиналось словами: «Дорогой мистер Спринг». Далее Винасетт сообщал о своих планах написать книгу о Дженни Джонсон. В письме содержались ссылки на его ранние произведения. Говоря о девушке, Винасетт называл его сестру настоящим именем. Получается, он собирался написать «захватывающий детектив» о человеке, который никогда не существовал. Уже одно это выводило Стивена из себя.

Он прочитал сообщения, чтобы «знать врага в лицо», после чего удалил. Сегодня Стивену написал нанятый Винесеттом исследователь.

«Дорогой мистер Спринг,

Я знаю, что вы и члены вашей семьи испытывают смешанные чувства по поводу планируемой книги. Я понимаю ваши чувства, но все же надеюсь, что мы с вами сможем встретиться и поговорить.

В ходе моих исследований обнаружилась интересная деталь.

Я установил, что отец Ханны Джейвенсен в течение многих лет оказывал дочери финансовую помощь. Чеки отправлялись на абонентский ящик в городе Боулдер».

Эта информация была для Стивена новой. Как этот парень смог разнюхать про чеки? Дженни сама выяснила это лишь после того, как Фрэнк попал в больницу и пришлось заняться финансовыми вопросами семьи. Тогда и обнаружилась масса погашенных чеков. Стивен не очень хорошо понимал, что это такое. Судя по всему, во времена до интернета банки отправляли чек, по которому выдавались деньги тому, кто его выписал. У Стивена был чековый счет, но лишь чтобы получить дебетовую карту. Сам он выписывал максимум один чек в год, а вот мистер Джонсон пользовался ими часто. Мужчина не указывал фамилию, чтобы Ханна не узнала, что супруги ее поменяли, и не смогла его найти.

Все это было очень печально. Родители, которые скрываются от дочери, и дочь, скрывающаяся от родителей.

Фрэнк начал финансово поддерживать Ханну после того, как та привезла им с Мирандой девочку. Тогда она, видимо, попросила у отца денег, и тот согласился платить, потому что любил ее. По этому пункту у Стивена не было никаких возражений. Но спустя двенадцать лет, когда стало понятно, что Ханна украла девочку, Фрэнк должен был обратиться в ФБР. Он мог бы сказать: «В это почтовое отделение в городе Боулдер я направляю чеки. Поймайте преступницу».

Но не сделал этого, продолжая отправлять деньги.

Когда Дженни об этом узнала, она страшно разозлилась, потому что бросила свою биологическую семью и вернулась к родителям, с которыми прожила большую часть жизни. Сделала она это из чувства любви и преданности.

Но после произошедшего поняла, что отец все-таки любил Ханну.

Однако и Дженни не сообщила в ФБР! Она считала, что Миранда была не в курсе действий мужа, безоговорочно веря ему. Сейчас Фрэнк лежал после инсульта в больнице, известие о том, что он сделал, могло очень негативно отразиться на ее и без того хрупком здоровье. И в результате Дженни решила обмануть Стивена.

Она сделала вид, что хочет учиться в Колорадо, и приехала посмотреть колледж. Даже притащила с собой Рива и Брайана. А на самом деле она хотела «разобраться» с похитительницей. Но в конце концов струсил и не стала ничего делать.

Спустя некоторое время Стивен и родители узнали эту историю.

– Ненавижу ее, – сказал Стивен. – Зачем она поддерживает отца Ханны?

– Она – твоя сестра, – напомнила мать. – Мы не собираемся ее за это ненавидеть. Все стараются сделать, как будет лучше по их мнению.

– Она далеко не всегда поступает так, чтобы всем было лучше! – закричал тогда Стивен. – И Фрэнк Джонсон уж точно не поступил так, как лучше!

– Дженни подписала последний чек и закрыла историю, – пыталась успокоить его мама. – Все, точка.

– Она могла бы сделать так, чтобы Ханну поймали и судили!

– Думаю, она была бы очень рада, если бы кто-нибудь другой поймал похитительницу, – произнес отец. – Но она все еще называет Джонсонов родителями. Попробуй поставить себя на ее место.

В любом случае Дженни оказалась в ситуации, в которой сам Стивен точно не хотел бы оказаться.

Он некоторое время наблюдал за посетителями почтового отделения, но не увидел никого, похожего на Ханну. С другой стороны, совершенно не факт, что женщина сама заби-рала чек. Она могла попросить кого-то другого это сделать. Потом парень отправил на ее абон-ентский ящик письмо с сообщением, что у него есть деньги для Тиффани Спратт, и написал свой номер телефона. Он осмелился сделать это лишь потому, что планировал в ближайшем будущем сменить провайдера.

Но письмо вернулось нераспечатанным. На конверте стоял штамп, на котором было отме-чено галочками два квадрата: абонентский ящик закрыт; адрес дальнейшей пересылки отсут-ствует.

Когда члены семьи Спринг получили письма от Кальвина Винасетта, все, за исключением Брендана, понимали, что Дженни не хочет разглашения какой-либо информации об их жизни. Стивен осознавал, что должен реагировать на такие письма молчанием.

И вот сейчас Кэтлин стояла за его спиной и читала письма. Он ненавидел, когда девушка так поступала.

– Ничего себе! – воскликнула Кэтлин. – Мистер Джонсон платил Ханне деньги, хотя знал, что она украла ребенка. И Ханна жила в Боулдере!

Стивен кивнул.

– И ты мне об этом ничего не сказал?! – воскликнула она.

Тот замер.

– Прости, – одумалась девушка. – Конечно, ты мне ничего не рассказал. Это не мое дело.

– Совершенно верно.

Кэтлин отошла и больше не касалась этой темы.

«Но как он узнал? – размышлял Стивен. – Очень немногие были в курсе. Сама Дженни точно информацию не раскрывала. Миссис Джонсон не могла об этом знать, а мистер Джонсон был в состоянии овоща и точно не мог проговориться».

Значит, кто-то из них. Мама? Папа? Вряд ли. Это было не в их интересах. Они хотели, чтобы Дженни снова была частью семьи, и не стали бы создавать ей новых проблем.

Джоди на Гаити и, хотя связывалась с остальными по почте и по телефону, вряд ли бы сообщила о чеках посторонним людям. Кроме того, существовали большие сомнения в том, что она вообще в курсе происходящего.

Близнецы? Брайан вместе с Ривом и Дженни прилетал в Колорадо. Именно он и расска-зал Стивену о чеках. Но брат очень любит и дорожит Дженни. Маловероятно, что он прогово-рился. Хотя при этом Брайан любил книги. Может, его привлекла возможность встретиться с известным автором? Может, он сам хотел стать писателем и был готов работать над проектом книги о сестре. Брендана никогда, кроме его самого, ничего не интересовало. К тому же Сти-вен сомневался, что Брендан вообще знает всю эту историю с чеками.

В принципе Стивен не был против, чтобы история про чеки всплыла на поверхность. Это доказывало, что автор и писатель не был полным идиотом. Он умел находить нужную информацию, умел брать интервью.

Тем не менее все это было неприятно.

«А может, информацию «слили» не члены семьи, а друзья? У каждого из нас есть люди, которые что-то знают об этом деле. Вот, например, у Дженни подруга Сара-Шарлотта. Я не знаю ее достаточно хорошо, чтобы быть уверенным, что это не она проболталась. Был еще и бывший молодой человек Рив. Его я знаю. И ранее он использовал биграфию Дженни как инфоповод на радио. Они сильно поругались и расстались после того, как Дженни обо всем узнала. Мама, кажется, упоминала, что Дженни начала встречаться с каким-то другим парнем. Может, Рив из-за этого разозлился и захотел отомстить?»

Проблема в том, что Стивену нравился Рив. Ему совершенно не хотелось, чтоб тот оказался отрицательным персонажем. Последние пару лет парень изо всех сил старался убедить Дженни в том, что изменился и больше ее не подведет.

Сейчас Рив работал на спортивном канале ESPN, который совершенно не интересовала история похищения.

Сидя в общежитии, Стивен задумался, не «сливала» ли информацию его собственная девушка, находившаяся с ним в комнате. К тому же ее папа был бывшим агентом ФБР.

Однако это тоже маловероятно. Он был уверен, что Кэтлин ничего не знала про чеки и, кроме того, ценила их отношения, поэтому вряд ли захотела бы все портить разговорами с исследователями и писателями.

Кэтлин не осмеливалась давать Стивену каких-либо советов. Если бы она сказала: «Стивен, книга может помочь поимке похитительницы», он точно бы разорвал с ней отношения.

Девушка старалась дышать как можно тише, чтобы парень позабыл о ее присутствии в комнате. Ему нравилось, что в его жизни есть девушка, но не хотелось, чтобы им управляли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.